

327.8

P-519

Ф. Р И Н Т Е Л Е Н

Секретная
ВОЙНА

**ЗАПИСКИ
НЕМЕЦКОГО
ШПИОНА**

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ**

1943

с 329303

0

BRONNEN

BONNEN

BRONNEN

X

~~1927~~

~~M~~

~~1926~~

HS

103

160

~~CS~~

~~CS~~

✓

329303

Ф. РИНТЕЛЕН

3278
P 519

Секретная война

Записки
немецкого шпиона

АРХИВ

С 329303

1944 г.

5

~~СЕКРЕТ~~

Военное Издательство Народного Комиссариата Обороны

1 9 4 3

~~С~~

Секретная война

Во время мировой войны 1914—1918 годов немецкая разведка направила Ринтелена в Соединенные Штаты Америки с заданием срывать перевозку военных материалов для армий союзников, воевавших против Германии. В этой книге автор рассказывает о том, как он организовал пожары на пароходах, направлявшихся в Европу, а также о других эпизодах из своей диверсионной и разведывательной деятельности.

В книге излагается также история «письма Циммермана», которое английская разведка перехватила и расшифровала и тем самым разоблачила немецкие замыслы нападения на США.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Начало войны	3
Глава вторая. В Америке	22
Глава третья. Разоблачение и арест	67

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО ВОЙНЫ

4 АВГУСТА 1914 года. Сидя за столами, мы, прикомандированные к штабу адмиралтейства, молодые офицеры, ждем... Война объявлена, и время от времени мимо наших окон проходят войска, отправляющиеся на западный или восточный фронт.

Мы сидим в наших канцеляриях в адмиралтействе, и наши нервы напряжены до крайности от такого долгого ожидания. Иногда в коридорах слышится короткий шум. Наше начальство, якобы, информировало правительство, что, по сведениям, полученным от нашего морского атташе в Лондоне и от наших секретных агентов. Великобритания, несомненно, не останется нейтральной. Мы, офицеры морского штаба, убеждены, что скоро английские военные суда возьмут курс на юг. Ночью, сидя в наших канцеляриях и тревожно разговаривая вполголоса, мы чего-то ждем, какого-нибудь события, каких-нибудь вестей, которые сделают наши предчувствия реальностью. Война против Франции и России — это война, которая будет вестись сухопутной армией, и роль флота будет, вероятно, незначительной. Но если Великобритания!..

Открывается дверь моего кабинета; от моего непосредственного начальника я получаю приказание немедленно отправиться в министерство иностранных дел за получением важного известия. Это известие я должен в самый кратчайший срок доставить в адмиралтейство, на улицу королевы Августы.

В зале находится несколько других офицеров, и они сдерживают дыхание, когда я получаю это приказание, оканчивающееся следующими словами:

— Каждая минута дорога!

Все мы предчувствуем близость события, которое нас непосредственно касается. Мы стараемся скрыть наше возбуждение перед дежурными вестовыми. В тот момент, когда я поспешно одеваюсь, один из моих товарищей телефонирует в полицейское управление, чтобы предупредить, что через несколько минут из адмиралтейства проследует полным ходом автомобиль по улицам Бендлерштрассе, Тиргартен-

штрассе и Фосштрассе и что надо очистить перед ним дорогу.

Автомобиль помчался. Через несколько минут я поднимаюсь по лестнице министерства иностранных дел. Швейцар открывает передо мною дверь, я прохожу через вестибюль в громадный зал.

Я вижу двух джентльменов, сидящих на плюшевом диване: сэра Эдварда Гошена, посла его величества короля английского, и мистера Джеймса У. Джерарда, посла Соединенных Штатов Америки. Первый имеет подавленный вид, он говорит вполголоса, сидя вполоборота к Джерарду.

Находясь в этом зале, я сразу же осознаю всё значение этой минуты. Я теперь уже знаю характер известия, которое я должен с максимальной скоростью доставить в адмиралтейство. Я знаю, что сэр Эдвард Гошен только что передал от имени своей страны ноту об объявлении войны, а мистер Джерард, американский посол, пришел с ним в министерство, чтобы заявить, что ему поручено представлять английские интересы в Германии.

Один миг я чувствую, как дрожат мои колени, когда мой мозг охватывает все историческое значение этого события. Я вижу, как флот в несколько минут снимается с якоря и как выбрасываемые флотилиями наших миноносцев густые облака дыма отныне застилают небо Северного моря.

Но ко мне возвращается хладнокровие. Я замечаю выражение безразличия на лице Джерарда, сидящего на диване в штатском костюме каштанового цвета в отличие от Гошена, пришедшего в сюртуке и цилиндре. У Гошена, который держится очень корректно, крайне озабоченный вид, тогда как Джерард сидит, развалившись на подушках. Он сидит, заложив ногу за ногу, беззаботно вертя на палке свою соломенную шляпу.

В залу входит фон-Ягов, министр иностранных дел, и вручает мне запечатанный пакет. Я знаю его содержание. Я отвешиваю поклон сперва министру, затем обоим послам и, почти не помня себя, спускаюсь с лестницы. Мой автомобиль мчится по направлению к адмиралтейству. На оживлённых перекрестках шущманы ждут уже появления автомобиля, чтобы немедленно поднятием руки остановить движение и пропустить меня без малейшей задержки.

Перед адмиралтейством шофер резко останавливает машину. Два высоких офицера, стоящих у дверей начальника штаба, бросаются ко мне. Капитан фон-Бюлов, начальник центрального отдела, вскрывает конверт.

На минуту он погружается в чтение, затем поворачивается налево, подзывает стоящего позади него начальника Науэнской радиостанции:

— Полковник, дайте Науэн.

Полковник поспешно направляется к себе в кабинет и берет трубку аппарата, связанного прямым проводом с этой станцией.

Через две секунды будет знать флот, стоящий в открытом море, и еще через две секунды — все эскадры миноносцев: — Война с Англией!

Станции Балтики и Северного моря, крейсера Атлантического океана и наши эскадры будут оповещены через несколько минут.

Мы обратили всю нашу энергию на то, чтобы стимулировать активность наших крейсеров в остальных частях света.

Наши суда средиземноморской эскадры, бронированный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», явились бельмом на глазу наших неприятелей у алжирских берегов, и естественно, что против них были двинуты крупные морские силы Англии и Франции. Но они прорвались смелым маневром и зашли в Мессину, где попросили итальянское морское министерство снабдить их углем.

Адмирал Сушон, командующий германской эскадрой, немедленно обратился к начальнику береговой обороны в Мессине, заявив, что союзники Германии не могут отвернуться от неё в затруднительный момент. Так как недавно был издан королевский декрет, запрещающий экспорт угля, итальянскому офицеру не оставалось ничего иного, как телеграфировать в морское министерство в Рим и затребовать инструкцию. Оказалось, что морским министром был как раз адмирал Милло, которому резкий английский протест помешал проникнуть в Дарданеллы во время недавней итало-турецкой войны. Критическое положение адмирала Сушона предоставило адмиралу Милло случай одновременно проявить лояльность к союзнику его страны и свои личные чувства; поэтому он отдал приказ немедленно отпустить немецкому адмиралу «самый лучший кардифский уголь», какой только можно найти в королевских доках.

Сумев таким образом наполнить свои бункера, «Гебен» и «Бреслау» ночью покинули Мессину и отправились скитаться по водам восточной части Средиземного моря.

В это время какой-то несчастный итальянский пароход у входа в Адриатическое море был принят зоркими англичанами за германское военное судно и подвергся жесточайшей

бомбардировке, но, к счастью, без ощутительных результатов.

Науэнская радиостанция дала нам возможность в Берлине услышать любезности, которыми обменялись командующие французской и английской эскадрами, проклинавшие судьбу, благоприятствовавшую бегству немецких кораблей.

Адмирал Сушон провел их через Дарданеллы на двадцать четыре часа раньше, чем туда поспел неприятель. Но так как со времени Берлинского конгресса 1877 года проливы считались нейтральными и проход через них военным судам под любым флагом был запрещен, Турция рисковала международными осложнениями и протестами со стороны врагов Германии, если бы она позволила немецким судам укрыться в Дарданеллах. Однако адмирал Сушон предвидел все эти трудности; он заранее послал германскому посланнику в Константинополе радиogramму, чтобы предупредить такого рода осложнения. Немецкий посланник фон-Вангехейм возымел блестящую мысль. Когда «Гебен» и «Бреслау» подошли к Константинополю, они немедленно были отданы в полную собственность Турции. Адмирал заменил свою немецкую фуражку турецкой феской и орудийным залпом приветствовал своего нового повелителя. Английский посол в Константинополе яростно протестовал, но это не помогло, и суда остались турецкой собственностью.

Вечером 15 августа, несколько дней спустя после получения радостной вести о том, что оба судна находятся в безопасности, я спускался с лестницы берлинского адмиралтейства, как вдруг встретил моего начальника отдела, который отвел меня в свой кабинет и показал только что поступившую от адмирала Сушона телеграмму.

«Турецкие коммерсанты и торговцы отказываются принимать немецкие ассигнации. Настоятельно необходимо немедленно прислать пять миллионов золотых марок».

Мой начальник посмотрел на меня и сказал:

— Мы не можем ставить адмирала в затруднительное положение. Но где взять это золото? У кого есть золото? Чеканка золотой монеты приостановилась. И всё же надо что-то сделать, и возможно скорее.

— Новые правила, повидимому, не относятся к случаю подобного рода, — заметил я. — Я попытаю счастья в Рейхсбанке.

— Хорошо, — ответил он. — Сделайте, как хотите, но постарайтесь, чтобы адмирал Сушон получил необходимое ему золото.

Перед банком на Хаузфогтайплац запасные в хаки сменили гвардейцев в касках. Они ходили вдоль здания, отдавая нам честь по установленным правилам. Двери банка были заперты на засовы, и привратник, крайне недовольный таким поздним визитом представителя вооруженных сил, заявил, что служебные часы окончились. К счастью, вице-директор банка фон-Глазенап жил в здании банка. Привратник проводил меня туда. Глазенап сразу понял, что необходимо вмешаться, и выразил готовность выдать требуемое золото.

Однако двери, ведущие в кладовую, были заперты; они открывались только, если одновременно вставлялись в замок два ключа, находившиеся у двух разных лиц. Один ключ находился у советника Лумма, а другой — у начальника казначейства. Я узнал, что советник фон-Лумм живёт по Кайзердамм, а начальник казначейства — по Шенхаузераллей, на другом конце Берлина.

Один служащий банка был немедленно послан на такси к начальнику казначейства со строгим приказом в самом срочном порядке привезти его во что бы то ни стало вместе с ключом, хотя бы для этого пришлось применить силу. Сам я взял другое такси и отправился на Кайзердамм на квартиру фон-Лумма. На первый звонок никто не ответил; я позвонил вторично, и, наконец, появилась старая служанка, которая заявила:

— Господина советника нет дома.

— Куда он ушел?

— Он никогда мне не говорит этого, но я думаю, что теперь он, вероятно, ужинает.

У меня блеснула мысль. Я попросту решил привлечь полицию к розыскам советника, считая, что если она в состоянии найти мелкого воришку, то, несомненно, сумеет найти такое известное лицо. Я быстро помчался в полицейское управление.

— Где секретный отдел?

Дежурный комиссар всполошился, видя перед собой так поздно морского офицера.

— Кого надо арестовать, капитан?

— Советника фон-Лумма из Рейхсбанка.

— Что вы говорите, капитан! Советника фон-Лумма?

— Это не так серьезно, как вы думаете, дорогой комиссар. Но этот господин находится сейчас, вероятно, в каком-нибудь ресторане в центре Берлина, и его надо разыскать во что бы то ни стало до полуночи и доставить в Рейхсбанк.

— Хорошо, — сказал комиссар, — я немедленно отправлю несколько тайных агентов.

Не было никакого смысла дожидаться в полицейском управлении результата, поэтому я вернулся в адмиралтейство. В десять часов вечера я был вызван по телефону дежурным комиссаром.

— Советника фон-Лумма разыскали в ресторане Кемпинского, и он тотчас же отправится в банк.

Теперь мы могли приняться за работу. Когда я явился в железнодорожный отдел главного штаба по Мольтекштрассе и потребовал, чтобы завтра утром отправили специальный поезд в Константинополь для перевозки наших миллионов, там удивились моему наивному взгляду на железнодорожное движение в военное время, но я начал добиваться этого с такой настойчивостью, что мне, наконец, удалось убедить их. Правда, мне не удалось получить поезд прямого сообщения, как я того хотел, но мне сказали, что поезд пойдет до Боденбаха на австрийской границе.

— За Боденбахом мы ничего не можем гарантировать, и о дальнейшем пути должны позаботиться австрийцы.

Австро-венгерское посольство находилось против главного штаба, и консул граф Гойос обещал, что военное министерство в Вене отправит поезд через Балканы прямо в Константинополь.

— Должен, однако, добавить, — сказал граф Гойос, — что транспорт золота через Балканы сопряжен с тысячью трудностей.

У меня не было времени раздумывать над всеми этими возможностями, — мне надо было вернуться в адмиралтейство. Из Рейхсбанка сообщили по телефону, что всё идет хорошо: уже мобилизованы служащие для подсчета золота, и ящики будут через час запакованы.

Дежурная телефонистка в адмиралтействе взяла на себя труд нарушить сладкий сон нескольких почтовых служащих, и через полчаса я мог сообщить, что завтра утром в восемь часов к банку придут шесть больших почтовых грузовиков.

Еще прежде мне приходилось несколько раз обращаться к доктору Гельфериху, директору Германского банка, по денежным вопросам технического порядка; теперь я тоже пригласил его. Перевозка золота его сильно заинтересовала, и он рано утром явился в адмиралтейство, чтобы вместе со мной отправиться в Рейхсбанк. Прибыв туда, мы чрезвычайно перепугались. Входы и выходы были заняты

людьми довольно подозрительного вида. Но постепенно мы поняли, что это переодетые агенты.

Ящики были погружены, и обоз тронулся. Мы двигались так медленно, что Гельферих заметил:

— Можно подумать, что это похоронная процессия.

В тот же день в 4 часа пополудни я был вызван из Боденбаха доктором Вейгельтом из Германского банка, представленным в мое распоряжение для руководства транспортом.

Он телефонирует мне, что обещанный австрийцами поезд не прибыл. Так как день был воскресный, он не мог найти служащих военного отдела, но тем не менее он нашел выход. Автомобильное общество изъявило готовность доставить ящики в Вену.

Так как ничего не оставалось делать, я ответил доктору Вейгельту, что я согласен и что мне удастся доставить поезд из Вены.

В понедельник 17 августа в адмиралтейство явился служащий австрийского посольства в сильнейшем волнении. Он держал в руках полученную из Вены телеграмму следующего содержания:

«Только что мы произвели в Вене арест, который, по-видимому, разрушил план неприятеля. В Вену прибыло несколько грузовых автомобилей, причём странное поведение сопровождавших их лиц возбудило подозрение полиции, которая не замедлила задержать их. Полиция нашла в автомобилях громадные ящики, из коих она один открыла. Ящик оказался наполненным золотом, которое, очевидно, предназначено для сербской пропаганды в Австрии. И более всего удивительно то, что речь идет о золотых монетах германской чеканки. На заданные вопросы арестованные дали противоречивые показания, так что, по-видимому, мы имеем дело с сербскими агентами, которые странным образом снабжены немецкими паспортами. Все они взяты под стражу и скоро состоится суд».

Господин из австрийского посольства был, вероятно, сильно удивлен, видя, как у меня при чтении этой телеграммы выступила пена на губах. Затем я разразился хохотом и поспешил к телефону. К вечеру австрийское посольство в свою очередь сообщило по телефону:

— Ваш транспорт золота погружен на специальный поезд-экспресс и отправлен в Будапешт. Что касается досадной ошибки с арестом ваших людей, то мы приносим тысячу извинений за происшедшее недоразумение.

В субботу 22 августа я нашел на моем столе телеграмму из Константинополя:

«Только что благополучно прибыл транспорт золота. Сегодня же он будет передан средиземноморской эскадре».

Транспорт золота благополучно прибыл в Константинополь.

* * *

Когда вспыхнула война, германские крейсеры были рассеяны по всему миру, и объявление войны застигло их в самых различных пунктах. Самым крупным отрядом, помимо средиземноморской эскадры, была дальневосточная эскадра крейсеров, в которую входили «Шарнхорст» и «Гнейзенау», сопровождаемые легкими крейсерами «Лейпциг», «Дрезден», «Нюрнберг», «Эмден».

Берлинское адмиралтейство в начале войны само не знало точно, где находится граф Шпее. Последняя весть от него была получена из Цзиндао. Граф Шпее, конечно, прекрасно отдавал себе отчет в том, какая буря поднялась над Европой в то время, когда он бороздил далекие моря. Он перехватывал донесения крейсеров, которые должны были стать его врагами, и он знал, что за движением его эскадры с особым интересом следят адмиралтейства Лондона, Парижа и Петербурга. После начала враждебных действий ему долгое время удавалось скрывать свои намерения и изводить союзников оружием, которого они боялись больше всего, — неизвестностью!

Внезапность конфликта и быстрая смена событий заставили министерство предоставить полную свободу действий всем крейсерам дальних морей, где бы они ни находились. Они могли уйти куда угодно, так как были отрезаны от своих штабов. В некоторых случаях было даже невозможно передать им какое-либо приказание, так как многие из этих военных судов помногу дней скрывали свои передвижения.

Граф Шпее располагал ещё одним средством сообщения с Берлином — через морского атташе в Токио капитана фон-Кнорра. За несколько дней до объявления войны, когда каждую минуту могли начаться военные действия, атташе телеграфировал, что необходимо немедленно перевести адмиралу Шпее два миллиона иен, чтобы дать ему возможность свободно передвигаться. Надо было послать эту сумму в Токио в самом срочном порядке и кратчайшим путем, иначе эскадра будет лишена возможности снабжаться, потому что в случае

войны она в иностранных портах должна будет покупать всё за наличные деньги. Телеграмма, которую фон-Кнорр отправил в Берлин, пошла своим обычным круглым путем через Нью-Йорк и Лондон. 2 августа я получил приказание принять меры к тому, чтобы граф Шпее получил деньги возможно скорее. Поэтому я телеграфно отдал распоряжение одному немецкому банку в Нью-Йорке перевести в Токио два миллиона иен на имя капитана фон-Кнорра.

Вернее будет сказать, что я пытался дать это распоряжение: моя телеграмма вернулась в адмиралтейство через центральный берлинский телеграф. Её не могли отправить, так как телеграф в Эмдене сообщил об аварии кабеля. Был сделан запрос в Лондоне, чтобы узнать, отразилась ли авария также и на них, но Лондон ещё не ответил — по каким-то неизвестным причинам.

Сперва трудно было объяснить эту задержку. Немецкий кабель в Нью-Йорке был проложен из Эмдена в Америку на самом дне океана, и он никогда ещё не давал перебоев. Однако в Эмдене аппараты показывали, что линия больше не функционирует, так как мы посылали в Америку телеграмму за телеграммой, ни разу не получив оттуда ответного сигнала. Дирекция в Эмдене считала, что Нью-Йорк не замедлит дать знать и что надо вооружиться терпением. Но прошло 48 часов ожидания, кабель не функционировал, и мы не знали, что делать, так как в то время беспроводный телеграф между обеими странами ещё не существовал. Американская станция в Сэйвилле, возле Нью-Йорка, не была ещё закончена, и только в конце 1914 года мы получили возможность сообщаться с Америкой по беспроводному телеграфу.

Мы изыскали окольный путь, который мог бы служить нам позднее, и попытались связаться с Германско-Азиатским банком, имевшим филиалы во всех крупных портах Дальнего Востока. Так как кабель больше не действовал, а беспроводный телеграф ещё не функционировал, мы нашли следующий выход. Требуемую сумму мы перевели одному датскому банку, который послал распоряжение в свое токийское отделение в виде тщательно составленной, с виду совершенно безобидной телеграммы: доставить требуемые деньги и передать их в распоряжение Германско-Азиатского банка в Токио. Другой телеграммой, тоже тщательно составленной, мы предложили этому банку выдать деньги нашему морскому атташе в Токио. Обе телеграммы были отправлены в Петербург, хотя Россия находилась уже в состоянии войны

с нами. Ничего не подозревая, русские телеграфисты передали телеграммы из Петербурга во Владивосток, откуда они были отправлены в Токио, и таким образом адмирал Шпее получил два миллиона иен.

Было важно обеспечить возможность дальнейшей посылки денег за границу, а между тем кабель, связывавший Германию с Америкой, всё ещё не действовал. Но неожиданно мы получили от одного тайного корреспондента в Лондоне самые подробные объяснения, почему прервана наша связь с Соединенными Штатами. В первые дни августа обыкновенная флотилия рыболовных судов спустилась по Темзе, взяв курс на Эмден — Боркум и соседние нидерландские острова. Суда были укомплектованы специалистами телеграфа: под покровом ночи и тумана флотилия подняла со дна немецкий кабель и соединила его с английской линией, ведущей в Лондон. Вместо Нью-Йорка наши телеграммы попадали в Лондон. Такова была эмденская «авария» кабеля.

После удачного перевода двух миллионов иен графу Шпее я должен был позаботиться о переводе необходимых сумм другим нашим крейсерам в иностранных водах.

Никто точно не знал, где находятся наши крейсера, а так как невозможно было предвидеть, где они внезапно появятся и откуда потребуют денег, мне надо было иметь в распоряжении готовые суммы во всех больших портах нейтральных стран. С большими трудностями мне, наконец, удалось обеспечить во всем мире запасы иностранной валюты для наших крейсеров: от Нью-Йорка до Нового Орлеана, от Венецуэлы до Уругвая, от Огненной Земли до Сметтля, вдоль всего западного побережья американского континента. Мы перевели значительные суммы нашим доверенным агентам, которые находились в этих портах еще с мирного времени. Во время этой работы произошел крайне досадный инцидент. Один берлинский банк получил распоряжение перевести полмиллиона долларов нашему нью-йоркскому агенту, чтобы зафрахтовать угольщика. Честный банковский служащий, которому поручено было выполнить наше распоряжение, с самым невинным видом взял перо и, точно никакой войны не было, написал в Нью-Йорк:

«По распоряжению и в счет германского императорского флота мы настоящим переводим вам пятьсот тысяч долларов».

Само собой разумеется, что наш нью-йоркский агент был скомпрометирован.

Вскоре последовало падение Антверпена, когда впервые во время войны цеппелины доказали свою пользу. В результате этого развернулось широкое движение за применение цеппелинов для организации налетов на неприятельскую территорию.

Как раз в это время все офицеры различных штабов Берлина получили не особенно приятное распоряжение — везде и всеми средствами стараться ослабить впечатление, произведенное битвой на Марне, нашей первой крупной неудачей на западном фронте. Что касается нас, офицеров министерства, то мы были далеки от того, чтобы понять, что это серьезное поражение означало решительный поворот во всей войне. Однако, несмотря на строжайшую охрану границ, из нейтральных стран продолжали проникать самые тревожные вести, и нам было вменено в обязанность по мере возможности смягчить их губительные последствия. Смысл марнской битвы долго еще скрывался от германского населения, даже после того, как все было потеряно.

В Берлине мы с величайшей тревогой следили за движением наших крейсеров, в особенности крейсеров адмирала Шпее, и с радостью узнали, что он уничтожил английскую эскадру у берегов Коронеля.

Но неожиданное известие о битве у Фальклендских островов ввергло нас в глубокое отчаяние, когда мы узнали, что эскадра графа Шпее уничтожена и его непобедимые крейсера потоплены. Они наскочили на британскую эскадру, значительно превосходившую их по силам.

Наше уныние должно было уступить место другим заботам. Был сформирован морской корпус для отправки во Фландрию, и тут мы столкнулись с такими трудностями: для новых отрядов оружия оказалось недостаточно. Мы видели уже в первые недели войны, что начал ощущаться недостаток во всех видах вооружения. Но в момент формирования морского корпуса, когда его надо было так или иначе вооружить, мы сразу поняли всю серьезность положения. Мы получили приказ вооружить этот корпус пулеметами, при этом указывалось, что их надо получить во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось отправиться на луну. Несколько часов телефонных разговоров с самыми отдаленными районами Германии убедили нас, что в пределах нашей страны мы их не найдем. Тогда мы поручили нашим доверенным агентам начать поиски и узнать, где можно было их купить. Вскоре нас информировали, что в Копенгагене имеется триста пулеметов новейшей конструкции, но что они

проданы России и в ближайшие дни должны быть погружены. Вновь был пущен в ход телефон. Мы связались с Копенгагеном, и вскоре германский посланник в разговоре с датским министром иностранных дел Сковениусом заметил, что Дания является нейтральной страной, поэтому он заявляет протест против погрузки пулемётов. Протест увенчался успехом, и фирма, которой принадлежали пулемёты, была уведомлена, что их вывоз запрещается. Так как Россия давно уже заплатила за них, датский завод от этого не пострадал; пулемёты остались на складах в копенгагенском порту, и многочисленные попытки тайно погрузить их на борт русского парохода окончились неудачей благодаря бдительности наших агентов.

Австрийское и германское посольства расставили своих агентов вокруг склада, и при каждой новой попытке доставить на борт это драгоценное оружие один из посланников заявлял решительный протест датскому министерству иностранных дел.

Затем мы сделали попытку завладеть пулемётами. Мы договорились с фирмой, продавшей уже их России, и она не возражала против того, чтобы выдать их нам. Однако, когда мы готовились уже погрузить их на германский пароход, вмешались посольства Франции и России, и мы в свою очередь остались ни с чем.

Эта игра продолжалась довольно долго. Агенты союзников следили за нами, а наши агенты следили за союзниками.

Однако мы решили во что бы то ни стало овладеть этими тремя сотнями пулемётов, и эта задача была поручена мне.

Свой тщательно разработанный план я начал выполнять с того, что достал английский паспорт. У нас было много таких паспортов, взятых у англичан, которые в начале войны по собственной воле превратились в американцев в надежде таким образом перейти германскую границу. Я положил один из таких паспортов в карман, наклеил на мой чемодан целую коллекцию этикеток английских гостиниц, наполнил папку написанными по-английски деловыми письмами и пустился в путь. Я назывался мистером Вильямом Джонсоном из Лондона — ни дать ни взять, настоящий английский купец.

Приехав в Копенгаген, я остановился в отеле «Англия». Эта гостиница служила штабом всех агентов союзников, и весь зал был полон ими. В Копенгаген я прибыл не один, а в сопровождении человека, хорошо знакомого со столицей Дании, так как в течение нескольких лет перед войной он там стоял во главе одной торговой фирмы. Он имел передо

мною то преимущество, что владел датским языком. Он должен был помогать мне советами и самым активным образом сотрудничать со мной. Мы мирно проводили время в баре гостиницы или в ресторане за чашкой кофе, но не проходило ни одной минуты, чтобы кто-нибудь за нами не увивался. Через несколько дней нам удалось завязать дружественные связи с несколькими русскими агентами, которых я несказанно удивил, когда однажды вечером сообщил им по секрету, что я являюсь английским агентом, что у меня много денег с собой и мне поручено помочь им отправить пулемёты в русскую армию. Русские агенты нашли, что это чрезвычайно любезно с моей стороны. Через несколько дней в порт вошел русский пароход; собственно говоря, это был шведский пароход, который мы купили и очень ловко замаскировали под русский. Как только он прибыл в порт, я пригласил русских агентов. Я им сказал, что немецкие и австрийские агенты подкуплены мной, что в порт прибыл русский пароход, имеющий приказание забрать пулемёты, и что погрузка должна быть произведена 27 января. Я добавил, что этот день выбран потому, что это день рождения кайзера и что немецкие агенты считают своим долгом чести выпиться в этот день допьяна. Само собой разумеется, что эти агенты получили распоряжение скрыться на весь день.

Все шло хорошо, и мы со спутником пригласили в мою комнату русских агентов для выработки последних деталей. Мы сели выпить кофе с ликером. Метрдотель слушал все наши разговоры, но это его мало трогало, так как он был французским шпионом и к нашей беседе он мог отнестись лишь самым благосклонным образом. Тут произошло нечто ужасное. Мой приятель, коммерсант, который сопровождал меня в Копенгаген и который был унтер-офицером запаса германской армии, очевидно, слишком сильно налёг на ликеры и перестал владеть собой. Внезапно по-военному вытянулся передо мной — мистером Вильямом Джонсоном, прихлопнул каблуками и произнёс на чистейшем немецком языке:

— Могу ли я предложить господину капитану сигару?

Русские агенты не были настолько пьяны, чтобы сразу же не сообразить, в какую ловушку они попались. Они вскочили со своих мест, но я уклонился от лишних объяснений. Я предоставил им говорить и думать, что они сами хотят, и отправился в Берлин.

Таким образом так тщательно разработанный план провалился.

* * *

С самого начала войны Германия пыталась воздействовать на международную прессу. Германские военные власти, на которых была возложена эта миссия, в особенности разведывательный отдел при верховном командовании, очень медленно завоевывали доверие издателей немецких газет, выходящих в Америке; можно ли было ожидать, что эти газеты в свою очередь смогут воздействовать на иностранных журналистов? Некоторые более опытные офицеры адмиралтейства пытались частично исправить это зло и поставить дело на надлежащую ногу, так что находящиеся в Германии американские корреспонденты вскоре стали приходить за информацией к этим офицерам. Таким образом, я лично стал центром группы иностранных журналистов. Нам удалось доказать им, что военная ситуация отнюдь не неблагоприятна для Германии. Когда, наконец, корреспонденты убедились в этом, они начали передавать более выгодные для Германии отчеты. Но как только в газетах появились их корреспонденции, наши канцелярии были буквально осаждены возмущёнными иностранными корреспондентами; англичане не передавали больше их телеграмм. Действительно, англичане захватили контроль над международными кабелями и, конечно, проводили при этом самую строгую цензуру в своих интересах.

Тогда у меня возник план, и я должен признать, что для выполнения его я был мало разборчив в средствах. Я находился в хороших отношениях с полковником Лангхорном, американским военным атташе, который тоже испытывал некоторые затруднения из-за контроля англичан над телеграфными линиями. Он искал средства посылать свои депеши в Вашингтон так, чтобы Лондон не мог их перехватывать и расшифровывать. Телеграммы составлялись, конечно, в зашифрованном виде, но атташе не питал никаких иллюзий относительно действий англичан в этом направлении. Он был совершенно убеждён, что англичане умудряются раскрыть его секретный шифр. Поэтому я предложил, чтобы атташе передавал нам свои зашифрованные телеграммы, а я обязался отправлять их через Науэн на только что построенную американскую радиостанцию. Таким путем депеши быстро будут попадать в руки американского правительства. С минутой Лангхорн раздумывал, но затем он принял мое предложение, настояв при этом, чтобы его телеграммы передавались в зашифрованном виде.

Когда он явился со своими первыми депешами, они были немедленно переданы через Науэн. Но я велел снять с них

С 329305

копии и пригласил одного знаменитого дешифровщика, который засел изучать представленные ему тексты. Судьба нам благоприятствовала. Можно было предположить, что в одну из своих телеграмм, довольно длинных, американец включил официальную сводку главного штаба. Это предположение оказалось правильным. Специалист-дешифровщик заменил немецкий текст буквами и шифром оригинала, и всё совпало. Таким образом, мы получили в свои руки шифр военного атташе, который мы хранили, как зеницу ока. С тех пор мы имели возможность читать телеграммы Лангхорна. Когда на фронте нами были одержаны победы, я передал в Америку мой собственный текст. Я переписывал заново телеграммы Лангхорна, включая в них отчет о нашей военной ситуации, добавляя обширные заметки о поражениях неприятеля, но при этом я, конечно, составлял их в таких выражениях, чтобы американское правительство было убеждено, что они исходят от его собственного атташе.

Всё шло прекрасно в течение нескольких недель. Когда прибыла следующая партия американских газет, можно было заметить, что даже самые серьезные из них изменили свой тон. Стратегическое положение Германии рассматривалось и критиковалось в них гораздо более благоприятно, и я мог лишь радоваться своему успеху.

Но неожиданно я сам разрушил мое орудие пропаганды. Я нарушил чувство меры, отправив телеграмму, в которой между строк чувствовалось известное германофильство, и развязка не заставила себя долго ждать. Без всяких предупреждений или объяснения причин полковник Лангхорн получил из Вашингтона лаконический приказ вернуться в Америку.

Его преемник не передал мне для отправки ни одной телеграммы. Когда полковнику Лангхорну по его прибытии в Вашингтон были показаны депеши, он, разумеется, отказался от их авторства, а чтобы догадаться, откуда они исходят, не надо было быть очень находчивым.

* * *

В начале 1915 года германские армии после больших битв предыдущего года готовились вновь броситься на врага; они имели перед собой все тех же врагов и все те же силы. Верховное командование германской армии приблизительно знало число людей, которое неприятель может выставить на обоих фронтах, и в обоих лагерях генералы начали готовить свои великие ходы на шахматной доске войны.

В этот момент появился новый враг, сея смерть в рядах немцев на востоке и на западе. Это было настоящим бедствием и настолько ужасным, что находившееся тогда в Шарлевилле верховное командование телеграфировало правительству в Берлин: «Мы совершенно беспомощны против американских снарядов».

Таков был этот новый страшный враг — американские снаряды.

Они представляли тем большую угрозу, что их начали выпускать с начала 1915 года, а европейские военные заводы не успели еще освоить их производство. Американские снаряды, выбрасываемые неожиданно огромными массами французской, английской и русской артиллерией, изготовлялись не из чугуна, как в Европе, а из стали. Эти стальные снаряды представляли собой настоящее дьявольское изобретение; они имели насечки и при взрыве разлетались на тысячи мелких осколков, поражая свои жертвы с ужасающей быстротой. Сила их взрыва была колоссальна. Когда появились эти снаряды, германская армия серьезно страдала от недостатка боеприпасов. На западном фронте батареи полевой артиллерии с трудом поддерживали огонь против важных неприятельских позиций ввиду необходимости экономить снаряды. В начале 1915 года германская артиллерия не располагала достаточным количеством снарядов даже для того, чтобы сбивать обнаруженные батареи неприятеля.

Несмотря на все усилия, военные заводы Германии далеко не были в состоянии поставлять хотя бы приблизительно требуемое количество снарядов.

Ввиду такого положения верховное германское командование послало имперскому правительству донесение за донесением, требуя прекращения транспорта боеприпасов из Соединенных Штатов.

Правительство пошло по легальному и обычному дипломатическому пути, сделав Соединенным Штатам официальные представления. Командующие армиями пригласили издателей больших немецких газет и попросили их осветить в газетах образ действий Америки. Американское правительство ответило точно так, как американская пресса отвечала немецким газетам. Оно заявило, что соблюдает строгий нейтралитет и что отправка снаряжения этот нейтралитет не нарушает. Правда, говорило оно, американцы снабжают союзников, но они так же охотно готовы снабжать немцев. «Давайте заказы, и вы увидите, что мы быстро выполним их».

Когда стало очевидно, что обычными дипломатическими средствами нельзя прекратить перевозку американских снарядов, всеми гражданскими и военными властями страны овладело глубокое уныние. Попытались предоставить инициативу адмиралтейству, предложив ему использовать подводные лодки, но, к несчастью, оно вынуждено было заявить, что это невозможно. Однако адмиралтейство на этом не успокоилось, и офицеры адмиралтейства день и ночь обдумывали всевозможные планы, чтобы покончить с этим злом. Но тут неожиданно возникла одна идея, которая, казалось, должна была привести к благоприятному результату.

В тот самый момент, когда верховное командование армией возобновило свои обращения к правительству, американцы обратились в Берлин за разрешением ввозить в Бельгию неограниченное количество продовольствия. До сих пор германское правительство отказывало американцам в этом. Генерал фон-Биссинг, германский губернатор в Бельгии, приехал в Берлин, и я имел с ним беседу. Мы решили предложить американцам сделку: они настаивали на своем решительном желании снабжать бельгийское население продовольствием. Прекрасно! Мы согласны, но взамен они должны прекратить отправку вооружения. Вести переговоры поручили мне, потому что, помимо прочих причин, играло роль то обстоятельство, что председатель комитета помощи бельгийцам Линдон В. Бэйтс был мне лично знаком. Я должен был поехать в Соединенные Штаты и переговорить по этому вопросу с мистером Бэйтсом. Наш министр иностранных дел передал мне рекомендательное письмо на имя посла Соединенных Штатов в Берлине Джерарда с просьбой снабдить меня пропуском от английского правительства для моей поездки в Соединенные Штаты. Я явился в посольство с письмом министра и объяснил, почему я прошу выдать мне пропуск. Посол ответил, что это невозможно и что он не может и не хочет исполнить эту просьбу.

Наш проект, таким образом, не удался. Потянулись новые тревожные дни в бесплодных дискуссиях. Мы ничего еще не успели придумать, как вдруг было получено от главного штаба отношение, что дальше так продолжаться не может. Надо во что бы то ни стало принять какое-нибудь решение.

Мои похождения с обеспечением наших крейсеров, рассеянных за границей, необходимыми денежными средствами понемногу создали мне репутацию человека, умеющего разбираться в финансовых делах. Я знал Соединенные Штаты; я имел там много знакомых и говорил по-английски без

акцента, мое начальство решило, что я являюсь тем человеком, которого надо послать в Соединенные Штаты для борьбы с перевозкой снарядов.

Провал нашего плана в связи с доставкой продовольствия для Бельгии обескуражил всех, и никто не мог ничего больше придумать. Когда было окончательно решено, что я должен поехать в Нью-Йорк и я уже свыкся с этой мыслью, у меня возникла новая идея.

Депутат рейхстага Эрцбергер только что выработал план организации международной пропаганды в пользу Германии. Его информационное бюро, которое функционировало параллельно с бюро пропаганды, начало давать прекрасные результаты и значительно превосходило чисто военную организацию этого рода при верховном командовании. Бюро Эрцбергера нашло человека по имени Мэлвин Райс, который утверждал, что в Соединенных Штатах он тесно связан с одним пороховым заводом фирмы «Дюпон де Немур паудер компани», в которой он, по его словам, состоял акционером и членом правления. Он заявил, что этот завод имеет очень большой запас взрывчатых материалов, предназначенных для начинки снарядов, изготовленных уже в Америке. Я подумал, что при его помощи мы сумеем закупить на американском рынке громадное количество этого продукта, достаточное во всяком случае для того, чтобы, по крайней мере, на некоторое время сократить поставку этих материалов союзникам.

Я допускал, разумеется, что блестящий план Райса может окончиться ничем; но нельзя было терять времени. Надо было либо поверить тому, что нам говорил Мэлвин Райс, т. е. что можно произвести громадные закупки пороха и взрывчатых материалов, либо же совершенно отказаться от этой идеи. Я не мог ни долго раздумывать над возможной неудачей этой экстраординарной поездки, ни сомневаться в абсолютной честности мистера Райса. «Приказ остается приказом», и когда военный министр генерал фон-Вандель поставил передо мной вопрос и заявил: «Вы не можете отказаться», я, ни секунды не колеблясь, ответил:

— Ваше превосходительство, я выезжаю завтра утром.

* * *

Это произошло 20 марта 1915 года.

Так как было решено, что я поеду под чужим именем, то возникла опасность, что я могу быть задержан германской военной жандармерией при посадке на пароход. Поэтому министерство иностранных дел решило снабдить меня госу-

дарственным паспортом под моим настоящим именем. Это такой паспорт, который выдается только с разрешения министерства иностранных дел и только лицам, отправляющимся с государственным поручением. Владельцу такого паспорта все власти, посольства и консульства обязаны оказывать всемерную поддержку. Выполнив все необходимые формальности, я уложил чемоданы и отправился в Америку.

Насколько энергичные меры были действительно необходимы, можно было вскоре убедиться из письма германского атташе в Америке Папена на имя Фалькенгайна, начальника главного штаба, в котором атташе благодарил за то, что, наконец-то, в Америку послан человек, который начнет действовать всеми доступными средствами.

С Мэлвином Райсом, вернувшимся тем временем в Нью-Йорк, мы договорились, что я поеду на норвежском пароходе «Христиания-фиорд», который ожидался в Нью-Йорке в первых числах апреля, и что он встретит меня в порту.

Через несколько часов я должен был отправиться. Я достал прекрасный швейцарский паспорт, искусно напечатанный в Берлине и снабжённый всеми печатями, подписями и необходимыми визами, и таким образом германский капитан фон-Ринтелен превратился в швейцарского гражданина Эмиля В. Гаше. Я выбрал эту фамилию потому, что один откомандированный в Берлин морской офицер был женат на швейцарке, которая, таким образом, стала моей сестрой. Она подробно ознакомила меня со своей многочисленной родней, с племянниками, племянницами, тётками, дядями и другими родственниками. Она передала мне фотографический снимок ее отчего дома, небольшого коттеджа, высоко расположенного в горах и являющегося «нашей» собственностью. Кроме того, она дала мне несколько уроков из области швейцарского гражданского законодательства и познакомила меня с моими обязанностями в отношении военной службы. Мое белье было снабжено моими новыми инициалами, которые подверглись глажению с тем, чтобы буквы не оказались слишком свежими. Одним словом, много было мелочей, которые не следовало упускать из виду, чтобы не подлежало сомнению, что по дороге я ускользну от зорких глаз английских офицеров.

За несколько часов до моего отъезда я обеспечил себя необходимыми суммами. За оставшееся в моем распоряжении короткое время я сумел перевести телеграфно полмиллиона долларов.

ГЛАВА ВТОРАЯ В АМЕРИКЕ

Я УЕХАЛ 22 марта 1915 года со Штеттинского вокзала. Как только я устроился в своем купе, я принялся за работу, которая на первый взгляд казалась очень забавной, но была весьма необходима. Я писал десятки открыток с видами моим друзьям, в особенности же морским и военным атташе нейтральных стран. Эти открытки я вкладывал в конверты, адресованные другим моим друзьям с просьбой сдать эти открытки на почту, так что все атташе и вообще те, от которых я хотел скрыть мои следы, получили от меня сообщения «откуда-то» — из Фландрии, из Верхней Баварии или Силезии.

По прибытии в Христианию, я без труда получил от английского и американского консульств прекрасные подлинные визы и чувствовал себя в безопасности. Не успел наш пароход выйти в открытое море, как английский крейсер прислал к нам на борт лейтенанта в сопровождении двух матросов, чтобы удостовериться, нет ли среди нас немцев. Лейтенант сумел убедиться, что таковых у нас нет. Но зато я себя почувствовал менее уверенным у американских берегов, когда на подступах к Нью-Йорку на расстоянии трех миль и двух дюймов увидел английский крейсер «Эссекс» под начальством капитана Уотсона, незадолго перед войной бывшего морским атташе в Берлине. Мы были с ним друзьями, он даже был настолько любезен, что объяснил мне значение некоторых специфических выражений английских моряков. Недурная встреча! Но мне повезло, так как «Эссекс» в этот день не осматривал пассажирских пароходов; как я мог увидеть через бинокль, он в этот день занимался стрельбой в цель.

Миновав эти опасные места, я, наконец, благополучно высадился на нью-йоркский мол.

Однако тщетно я оглядывался во все стороны. Я ожидал встретить Мэлвина Райса, который взял бы меня под руку и повел посмотреть обещанные им взрывчатые материалы, готовые к немедленной отправке. Но никого не встретил.

Итак, я был на нью-йоркском молу, совершенно один, представленный моим собственным мыслям, но полный решимости довести до конца дело, которое, повидимому, складыва-

лось вначале так неблагоприятно. Совершенно один я соби-
рался броситься в наступление на все сорок восемь штатов!

Почти все предчувствия, овладевшие мною перед моим
отъездом из Берлина, были, следовательно, основательны, и
известные трудности, которые я тогда предвидел в силу
моего знакомства с положением дел в Америке, оправдались.

Во-первых, я мог на Северном море или на Атлантиче-
ском океане оказаться пленником какого-нибудь английского
крейсера, который обошелся бы со мной не очень-то друже-
любно и офицеры которого стали бы оспаривать мое швей-
царское подданство. В этом случае мне оставалось бы лишь
одно: проглотить две маленькие облатки, содержавшие в
миниатюрном виде совершенно новый секретный шифр, ко-
торый я вез для посла и обоих атташе. Действительно, впо-
следствии в палате общин был задан вопрос, как могло слу-
читься, чтобы офицер германского флота мог в самый разгар
войны незаметно проплыть океан, но, по обыкновению, «от-
вета не последовало».

Во-вторых, было крайне сомнительно, чтобы мистер Мэл-
вин Райс располагал еще порохом и взрывчатыми материа-
лами спустя несколько недель после наших переговоров.
Думать так, означало бы недооценивать союзников и полага-
ть, что они все это время спали. Действительно, союзники
не спали.

В-третьих, возможны ли другие меры в случае, если по-
рох продан? Да, такие меры надо было найти, тем более,
что как раз в этот период русские одерживали победу за
победой в Галиции, и существовало опасение, что они дей-
ствительно проникнут в Венгрию; в то же время опасность
присоединения Италии к войне становилась более угрожаю-
щей, чем когда-либо.

В-четвертых, было весьма возможно, что моя миссия в
Америке и поставленные передо мной цели вызовут германо-
американские международные осложнения. На этот случай
я решительно предложил тогдашнему заместителю министра
иностранных дел Циммерману отрицать всякое причастие ко
мне и утверждать, что я действую по собственной инициа-
тиве.

Однако, хотя неблагоприятных моментов было больше,
чем благоприятных, я явился в немецкий клуб, чтобы встре-
тить там обоих атташе, так как я должен был передать им
важный документ — новый «чрезвычайно секретный» шифр.

Согласно данным мне инструкциям, я передал германскому
морскому атташе Бой-Эду и военному атташе фон-Папену

хранившийся при мне «чрезвычайно секретный» новый шифр. В Берлине боялись, что старый секретный шифр, которым пользовались посол и оба атташе для телеграфной связи с Германией, не является больше секретным, подозревая, что англичане в состоянии расшифровывать наши депеши. Единственный шифр, которым надо было пользоваться в будущем, был шифр, привезенный мной. Затем мы разошлись: атташе — чтобы попрежнему идти по пути, который им указывали их официальные должности, а я — чтобы исчезнуть в неизвестности.

Не прошло и недели после моего прибытия в Соединенные Штаты, как я получил письмо от капитана Бой-Эда, который сообщал, что наш посол граф Бернсторф желает видиться со мной. После некоторых колебаний, ввиду моей особой миссии, я решил исполнить желание посла и в назначенный час явился в Риц-Карлтон, на Мэдисон-авеню. Бернсторф сразу спросил меня о причине моего присутствия в Америке. Я вежливо посоветовал ему не задавать мне этого вопроса, так как мой ответ будет носить такой характер, который должен осложнить его дипломатическую работу. При этих словах он придвинул свое кресло к дивану, на котором я сидел, и сказал мне шопотом:

— Но поймите, капитан, что, хотя я и посол, я в то же время и старый солдат. Вы можете во всем мне довериться.

Эти слова были обращены ко мне, как к офицеру, и я не только рассказал ему о том, как возникла идея послать меня сюда, но и дал ему понять, что моя миссия носит чисто военный характер, который должен найти свое выражение в диверсии. Я сказал ему, что меня, как офицера, насколько не беспокоит мнимый нейтралитет Америки и что вся Германия, как и я, считает Соединенные Штаты «негласным врагом». Я приехал сюда, сказал я ему, сделать все, что в моих силах, чтобы спасти наших солдат от американских снарядов. Говоря, что я буду действовать со всей энергией, я все же обещал ему быть осторожным.

Хотя мой императорский паспорт был составлен в высокопарных выражениях старого немецкого языка времен Фридриха II, он не оставлял никакого сомнения в том, что владельцу его должно оказываться всяческое содействие.

— Вся моя канцелярия и все мои служащие отныне находятся...

Даже посол!

Я устроился в скромном, но хорошем отеле «Грейт Норверн» на 27-й улице и начал наводить справки о возмож-

ности закупить достаточно взрывчатых материалов, чтобы серьезно подорвать производство снарядов.

Я обошёл ряд торговых домов, выдавая себя за немецкого агента, желающего купить порох, но спустя несколько дней я понял, что нет решительно никакой возможности приобрести на американском рынке большое количество взрывчатых материалов, которое находилось бы на складах. Ежедневная продукция была настолько велика, что если бы, скажем, во вторник удалось закупить все наличные запасы, то в среду к услугам покупателей наготове будет опять огромное количество этой продукции.

Таким образом, я в течение первых нескольких дней после моего прибытия ходил по Нью-Йорку и собирал сведения. При посещении одной из фирм, продававших взрывчатые материалы, я сделал замечательное открытие. Один из совладельцев фирмы, американский немец, повёл со мной продолжительную беседу о перспективах войны. Я был оптимистом и считал, что она может принять благоприятный для Германии оборот, но коммерсант был совершенно другого мнения.

— Да, — сказал он, — дело принимает все более и более скверный оборот, и если Италия станет на сторону неприятеля...

— Что вы сказали? — вскричал я.

Я тотчас же вспомнил мою последнюю беседу с Эрцбергером, который незадолго перед моим отъездом в Нью-Йорк показал мне телеграмму от нашего итальянского посла фон-Бюлова, выражавшего свое твердое убеждение, что Италия останется нейтральной.

Видя мое сомнение, промышленник открыл ящик своего стола и достал оттуда вексель.

Не зная, что он хочет этим сказать, я пошутил:

— Что вы, что вы, я не имею права делать передаточные надписи. Об этом мне было заявлено, еще когда я был помощником лейтенанта.

Американец засмеялся.

— Я принял этот вексель в платеж. Я не принимаю векселя, подписанные лейтенантами, в особенности, когда речь идет о ста тысячах долларов.

Я посмотрел на вексель. На нем была печать итальянского королевского казначейства, и он был выдан месяц назад, 25 мая 1915 года.

— Эти векселя внезапно появились в большом количестве на нашем рынке. Они находятся исключительно в руках

крупных военных фабрикантов, они вызвали большой ажиотаж на рынке. Мы полагаем, что закупки, производимые французскими агентами, но, безусловно, за счет итальянского правительства, означают лишь одно: Италия намеревается принять участие в войне против Германии. Это уменьшит шансы на победу центральных держав и затянет войну.

На следующий день мне удалось сфотографировать один из векселей. Я телеграфировал в Берлин и отправил туда фотографию; во всяком случае Берлин был предупрежден.

Я начал вести двойственную жизнь. Вечером я «в подлиннике» надевал смокинг. Я подумал, что ходить по Нью-Йорку под вымышленным именем гораздо опаснее. Ибо, если одному из многочисленных английских агентов удастся узнать меня, то он сейчас же поймёт, что у меня имеются какие-то особые намерения. Напротив, если я не буду скрывать своего настоящего имени, то меня примут за человека, приехавшего в Соединенные Штаты по каким-нибудь мирным торговым делам. В противном случае я скрыл бы свое настоящее имя. Вечером я показывался открыто и однажды имел большое удовольствие выступать публично на докладе, устроенном Сенчари-клубом—крупным научным обществом. Я выслушал одного профессора, ярого германофоба, и, когда он начал жаловаться, что немцы сожгли Лувенский кафедральный собор, я вскочил и заявил, что это ложь, что еще месяц назад я собственными глазами видел этот собор во всем его великолепии.

Днем я одевался как попало и блуждал по докам, где видел многочисленные английские, французские и русские суда в ожидании военных грузов. Я видел, как они нагружались, я видел, как они выходили из порта, беря курс на восток, с бункерами, доверху наполненными снарядами, и от всего сердца желал им, чтобы они очутились на дне океана.

Я методически изучал специфические условия нью-йоркских доков и скоро узнал, что в порту блуждает большое количество немецких матросов, механиков и капитанов, не зная, за что приняться. Торговые суда, на которых они работали, находились в доках и не могли покинуть их без риска быть захваченными в открытом море англичанами.

Я узнал также, что среди докеров имеется много ирландцев, которые далеко не симпатизировали англичанам и союзникам англичан. Все эти люди открыто выражали свою ненависть каждый раз, когда они видели, как отправляется транспорт снаряжения.

Но как связаться с ирландцами?

Я отправился к германскому генеральному консулу Фальке, замечательному человеку с большим опытом. Он был твердо убежден — вопреки тому, что полагало посольство, — что Соединенные Штаты скоро целиком станут на сторону союзников. Таким образом, на всё, что я мог ему предложить, он с большой радостью согласился. К несчастью, в данный момент его здоровье было неважно, и через несколько месяцев он вынужден был вернуться в Германию.

Затем был еще доктор Альберт. Он был послан из Берлина, чтобы закупить сырье и продовольствие, возможно больше нагрузить этих товаров на нейтральные суда, отправлявшиеся в Голландию и Скандинавию и оттуда в Германию.

Перед своим отъездом из Нью-Йорка генеральный консул Фальке сказал мне, что его правая рука по консульству Госсенфельдер целиком предоставлен в мое распоряжение.

Несколько дней спустя в мое бюро явился очень хорошо одетый джентльмен, который назвал пароль Госсенфельдера и представился под именем мистера Фримэна. Меня несколько не интересовало, настоящее ли это его имя, — лишь бы он был мне полезен. И он действительно оказался полезным, даже больше, чем я ожидал, ибо со временем мне пришлось по тем или иным причинам отказаться от некоторых людей из-за слишком большого их усердия, а также вследствие слишком большой любви к алкогольным напиткам.

Вскоре я узнал, что в Нью-Йорке живет доктор Бюнс, сперва германский генеральный консул в Нью-Йорке, затем представитель Гамбургско-Американской линии. Я отправился к нему, так как мы были знакомы несколько лет, и он начал уже работать в пользу Германии. Ему дано было поручение фрахтовать пароходы, которые он нагружал углем и которые отправлялись затем бродить в поисках германских крейсеров, чтобы снабдить их топливом. Для большего обеспечения успеха своему делу Бюнс находился в постоянной телеграфной связи с германскими властями, конечно, при помощи шифра. При нашей первой встрече он мне сказал, что я окажу ему большую услугу, если снабжу его адскими машинами.

— Адскими машинами? Для чего?

— Ну да, — ответил Бюнс, — мои люди требуют изменения методов работы. Я вам сейчас объясню мой способ работы: я зафрахтовываю пароход, капитан получает тысячи две долларов и исчезает. На его место я ставлю одного из многочисленных офицеров германского торгового флота, ко-

торые лишились работы и которые, как вы знаете, числятся обычно в запасе военного флота, а это означает, что они фактически находятся на активной военной службе и что они гребуют дела. Они просили меня найти адские машины. Плавая в открытом море в ожидании встречи с крейсерами, они имеют достаточно времени для разработки планов. Если бы они были снабжены машинами, то в случае встречи с кораблем, нагруженным снарядами, они могли бы поднять военный флаг, захватить груз, взять в плен экипаж и взорвать корабль с грузом. Поэтому я прошу вас, дорогой капитан, достаньте мне адские машины.

Я ничего не мог возразить против планов людей доктора Бюкса. Но как найти в Нью-Йорке необходимые взрывчатые материалы, не вызвав подозрения? Консул оказал мне большую услугу, дав мне адрес одного экспортёра, сильно пострадавшего во время войны. Это был некий Макс Вейзер, и я вскоре увидел, что он прекрасно знает нью-йоркский порт. Я поговорил с ним серьёзно и понял, что он не только участвовал во многих интригах, но что я могу вполне доверять ему. Хотя я мог выполнять мои планы, сидя в комнате отеля, мы решили прежде всего оформить себя в качестве частных коммерсантов. Мы основали торговый дом под фирмой «Э. В. Гиббонс и К°», причём инициалы были взяты мной от моего швейцарского псевдонима. Мы сняли контору из двух комнат на Седар-стрит, в центре делового квартала, зарегистрировав предприятие в торговом регистре в качестве экспортно-импортной фирмы. Как директор, я занимал одну из этих комнат, тогда как мой «персонал» занимал вторую комнату. Я всё ещё раздумывал, как найти требуемые адские машины и как реализовать весь мой план, как вдруг нашел нужного мне человека. Я завязал связи со всякого рода подозрительными на вид людьми, из коих некоторые имели секретные дела. Однажды ко мне явился немецкий химик доктор Шеле. Я его принял в одной из комнат только что обставленной конторы. В первой комнате находился Макс Вейзер, диктовавший машинистке самые ошеломляющие коммерческие письма. Он приглашал все нью-йоркские фирмы предлагать нам зерно, горох, мазь для обуви, стекло, рис и прочие продукты. Мы отправляли горы таких писем, чтобы создать впечатление, что наша фирма делает блестящие дела.

Доктор Шеле проследовал через эту комнату. Он начал с того, что передал мне рекомендательное письмо нашего военного атташе капитана фон-Папена и затем сообщил, что

он занимается различными делами и, кроме того, он химик и желает предложить свое новое изобретение. Видя, что он колеблется, я придвинулся к нему и сказал, что он попал именно туда, куда нужно, и что он вполне может объяснить мне свое изобретение, что он может быть вполне уверен, что я куплю его, если оно представляет некоторую ценность. и что вообще я самый надежный человек в Европе и поэтому он может вполне довериться мне. Он осмелел, достал из кармана свинцовую трубку величиной с сигару, положил ее на стол и начал мне объяснять ее назначение.

Свинцовая трубка имела полу ю внутренность. Посредине она была разделена на две части медным, крепко впаянным диском. Одна часть трубки была наполнена пикриновой кислотой, другая часть — серной кислотой или другой воспламеняющейся жидкостью. Крепкая восковая втулка, покрытая простой свинцовой шляпкой, герметически закупоривала оба конца трубки. Толщина медного диска регулировалась по желанию. Если он был толстый, то уходило довольно много времени, пока обе кислоты приходили в соприкосновение между собой; если же он был тонкий, кислоты соприкасались друг с другом уже через несколько дней. Регулируя толщину диска, можно было точно установить время, когда произойдет смешение жидкостей. Таким образом, эта трубка представляла верный и действенный аппарат, который можно регулировать по желанию. Когда в намеченное время обе кислоты приходили в соприкосновение между собой, из обоих концов трубки появлялось бесшумное, но сильное пламя длиной от двадцати до тридцати сантиметров; от высокой температуры оболочка расплавлялась, не оставляя, таким образом, заметных следов.

Я смотрел на доктора Шеле. У меня мгновенно возник план, в котором «сигара» должна будет играть главную роль, и я попросил химика показать действие его изобретения на практике. Мы отправились на прогулку в небольшой лес поблизости города. Он выбрал очень тонкий диск, впаял его в трубку и положил аппарат на землю. Мы стояли возле «сигары». Если прибор будет функционировать, то я смогу реализовать мои намерения. Я знал, как применить это дьявольское изобретение, — и всё, что надо было, это чтобы аппарат оправдал себя. Он оправдал себя, и еще как! Внезапно вырвавшееся из проклятой «сигары» пламя чуть меня не ослепило, настолько оно было сильным, а свинец расплавился, оставив самый незначительный след.

Посмотрев в сторону, я увидел доктора Шеле, опиравшегося о дерево. Он завороженным взглядом смотрел на кусок свинца, оставшийся от его зажигательного снаряда.

— Это совсем неплохо, не правда ли? — сказал он.

— Да, неплохо.

Мы быстро договорились. Первым делом он получил солидную сумму за разрешение использовать «сигару» так, как мне понадобится.

Я попросил его притти на следующий день, а в это время я пригласил нескольких моих помощников, капитанов немецких судов, ставших уже моими хорошими друзьями. Я собрал этих людей и привёл в мою контору. Я доверился им, и они меня не обманули. Я прямо подошел к делу и сообщил им, что нашел средство положить конец ненавистой перевозке снаряжения в Европу, при этом без нарушения американского нейтралитета, по крайней мере с моей стороны. Я объяснил им механизм «сигары» и спросил их, не будет ли возможно тайком класть их на пароходы, перевозящие в Европу амуницию и взрывчатые материалы. Все они заявили в один голос, что это легко, причём они не проявили никакого колебания, так как эти зажигательные аппараты будут оказывать свое действие лишь после того, как пароходы покинут американские территориальные воды. Они с воодушевлением встретили мой план и тут же попросили несколько снарядов, чтобы отнести их куда следует. Узнав, что сперва нужно организовать широкое производство этих снарядов, они были разочарованы. Мы стали изыскивать возможности найти мастерскую, где можно было бы изготавливать наши снаряды без риска навлечь на себя подозрения. Это представляло большие трудности.

Проблема стояла так: где изготавливать эти зажигательные снаряды?

Надо было организовать массовое производство. Я доказывал, что нельзя и думать о том, чтобы предпринять что-либо подобное на американской территории. В доках и складах, на баржах и рыболовных судах, на молах и в портах — везде я мог действовать, но только не на самой американской территории. Я узнал, что один человек, по имени Бонифейс, может так или иначе помочь мне спорить с американским судом относительно того, где на основе законов начинается или кончается американская территория. Конечно, трудности оставались также в отношении территориальных вод, но это препятствие было не из больших. У меня была обязанность и задача приостановить или, по крайней мере,

затруднить перевозку вооружения. Я не был обязан обходить известные пункты закона, которые могла выдвинуть американская разведка, или долго раздумывать над такой реальной действительностью, какую представляли собой окружные суды и судьи. Это может быть предоставлено другим.

* * *

Знакомством с Бонифейсом я обязан одному довольно комичному происшествию. Однажды вечером, уходя из своей комнаты, я встретил Вейзера, и мы по обыкновению обменялись приветом. Но он произнес «добрый вечер» таким мрачным тоном, что я сразу понял, что случилось нечто весьма неприятное. Я вернулся в свою комнату в сопровождении Вейзера, и, когда закрыл дверь, он начал ломать руки, сказав:

— Капитан, мы закупили несколько вагонов виски. Что мы теперь с ними станем делать?

Из дальнейших его слов выяснилось, что в припадке усердия он повел переговоры относительно покупки целого транспорта виски, что незаметно для себя он оказался его владельцем. Теперь оставалось только забрать покутку и заплатить.

Я тоже не знал, что́ делать, так как ничего не понимал в такого рода сделках и не знал никого, кто мог бы меня выручить. Но, что было хуже всего, сам Вейзер, несмотря на всю свою корреспонденцию, тоже не мог найти покупателя, так что казалось, что мы здорово влопались. Вейзер при этом назвал имя мистера Бонифейса, который, быть может, сумеет нас выручить. Я справился об этом человеке и узнал, что это мастер на все руки. Он жил в небольшом отеле, пользовавшемся не очень доброй славой, недалеко от доков. У него была обширная практика, так как он специализировался в сомнительных делах, которые ему передавались другими адвокатами. Когда Вейзер мне все это рассказал, я понял, что мы давно уже нуждаемся в человеке, способном проложить путь в запутанном лабиринте американского законодательства. Нам нужен был для наших подпольных предприятий, так сказать, тайный советник. Я пригласил Бонифейса. Это был высокий, худой человек, носивший пенсне, которое непрерывно соскальзывало с носа. Всем своим видом он производил впечатление хищного шакала, разыскивающего свою добычу на поле сражения. Я положился на свое чутье.

Я ему рассказал о сделке с виски, заявив, что я лишь желаю избавиться от этой покупки. Он надел пенсне, стал потирать свои костлявые руки и заявил решительным тоном:

— Капитан, это вам будет стоить двести пятьдесят долларов. Пятьдесят долларов составляют мой гонорар, а двести долларов мне нужны, чтобы похоронить это дело.

Он получил требуемые деньги, ушел и похоронил это дело. Впоследствии нам часто приходилось «хоронить» другие дела — плоды чрезмерного усердия Вейзера. Когда Вейзер диктовал свои письма, он слишком много думал о том счастливом времени, когда имел собственную экспортно-импортную фирму, и в такие минуты он заключал сделку, которую необходимо было «хоронить».

Мистер Бонифейс занимался, таким образом, и другими операциями, так что его сотрудничество и помощь оказались необходимыми. Он находился в тесном контакте с нью-йоркской полицией, и многое из того, что он узнавал от неё, имело для нас громадное значение.

* * *

Однажды Бонифейс явился в мою контору. Этот человек всегда был готов выслушивать самые неожиданные и самые смелые конфиденциальные вещи. Этот пожилой джентльмен, полный достоинства и важности, приобретал еще более торжественный вид каждый раз, когда ему приходилось касаться юридического права.

С этого момента он не переставал качать головой.

— Хорошо, капитан... Позвольте, дайте мне подумать... 251 статья VIII Гаагской конвенции абсолютно не соответствует вашей точке зрения. Я глубоко сомневаюсь в возможности допустить ваше толкование этого пункта. Я должен формально заявить после долгого размышления, что вы должны отказаться от мысли нарушить американский нейтралитет.

Так именно говорил мистер Бонифейс.

Он замечал моё выражение растерянности, и вдруг мысль о том, что кое-что более существенное, чем простой совет адвоката, может принести ему гонорар, выраженный многозначной цифрой, заставляла его изменить свой важный вид. Он поспешно покидал контору, чтобы вернуться через полчаса. Обычно он распространял вокруг себя легкий запах виски. И как всегда в таком возбужденном состоянии, пенсне криво сидело у него на носу.

— Почему не заняться изготовлением ваших аппаратов на одном из интернированных кораблей? — предложил он. — Я привел вам нужного человека, капитана фон-Клейста, одного из ваших старых друзей.

Клейст был в наилучших отношениях со многими капитанами и офицерами интернированных судов, и, долго не колеблясь, он составил превосходный план, представлявший неограниченные возможности.

Со всеми нашими планами, опытами и предприятиями нам надо было устроиться на борту одного из германских судов и таким образом обеспечить себе самые прекрасные условия. Германия в центре территориальных вод Америки! Какие перспективы!

Разумеется, возможности были, но надо было учесть некоторые моменты, среди которых на первом месте стояла выдача мистеру Бонифейсу известного количества американских банковых билетов.

За несколько дней до моего отъезда из Берлина я видел Гейнекена, председателя Северо-германского Ллойда. В течение всей зимы 1914/15 года Гейнекен проявил себя верным другом и союзником, человеком, обладавшим большей дальновидностью, чем обычно это замечается среди людей, работающих в торговом флоте. Он одним из первых высказал опасение, что война продлится гораздо дольше, чем полагают. Конечно, он был в некоторой нерешительности относительно того, что делать со всеми судами, задержанными в нейтральных портах. Существовало два мнения: одни думали, что всё должно быть подготовлено, дабы немедленно по окончании войны все интернированные корабли могли с грузами товаров сняться с якоря и направиться в Германию; другие, более пессимистически настроенные насчет длительности войны и, следовательно, относительно того, где эти суда окажутся к концу военных действий, считали, что они должны уйти из портов, где они интернированы, или, по крайней мере, приносить какую-нибудь пользу в той или иной форме.

Гейнекен принадлежал к последней категории.

Он весь воодушевился моим проектом, когда я ему рассказал о моём разговоре с фон-Ванделем. После продолжительных колебаний генерал фон-Вандель окончательно спросил меня, намерен ли я ответить главному штабу отрицательно и отказаться от поездки в Соединенные Штаты, я тогда ответил, что поеду.

На это генерал фон-Вандель мне сказал:

— Берите все наши корабли, завербуйте всех наших людей, используйте всё, что вы найдете в Америке, и положите конец переброске этих проклятых снарядов.

Всё устраивалось превосходно и в соответствии с планом мистера Бонифейса.

* * *

Это была наша первая встреча с Карлом фон-Клейстом с августа 1914 года, но я много слышал о его энергии и способностях. Начав с юнги на борту старого парусника, он дошел до чина капитана. Для него не было ничего легче, как поступить в один из самых блестящих кавалерийских полков Потсдама, но такая карьера ему не улыбалась, ибо он хотел доказать своей семье, что можно устроить свою жизнь и помимо армии. Ему в это время шел уже седьмой десяток.

Дело было слишком щекотливым, чтобы о нем можно было говорить в присутствии мистера Бонифейса. Поэтому мы отделились от него и за стаканом вина обсудили все необходимые меры, коснувшись также вопроса о выборе подходящего человека для такой задачи.

Клейст знал всех немецких моряков, интернированных в Нью-Йорке. Он имел возможность всех их пайти и, сопровождая свою речь жестикულიацией, взвешивал характер каждого человека, будь то главный директор или самый молодой юнга.

— Прекрасно, Клейст, всё принимает замечательный оборот. Нам нужен корабль, капитан которого принял бы участие в нашем деле и экипаж которого исполнял бы отдаваемые приказы и, главное, умел бы держать язык за зубами!

Клейст задумался.

— Вы требуете немало. Мне кажется, я нашел. Вам нужен пароход «Фридрих Великий».

— «Фридрих Великий»! Превосходная идея! Знаете ли вы, что другой «Фридрих Великий» стоит во главе нашего флота, находящегося у наших берегов?

— Конечно, я помню!

В течение последующих ночей большой мрачный корабль стал ареной лихорадочной деятельности. Через посредство моей торговой фирмы я закупил большие партии свинцовых трубок, и мои люди под покровом ночи доставили их на борт. Таким же путем я достал необходимый инструмент, и готовые трубки вместе с различной толщины медными дисками отправились в сумерках в лабораторию доктора Шеле,

где они наполнялись кислотой. Однажды утром один из моих моряков принес в контору средней величины ящик. Я сидел за своим рабочим столом. Пришедший сказал:

— Извините, капитан, подвиньте немного свои ноги.

Я отодвинул ноги, и он поставил свою ношу в один из ящиков моего стола — беспокойное соседство!

Аппараты были рассчитаны на двухнедельный срок, а поэтому их следовало использовать возможно скорее. Я отвёл человека в другую комнату, где находился Вейзер, и попросил его пригласить в тот же вечер завербованных мною капитана, моряков и ирландцев, с тем, чтобы безотлагательно приступить к нашей опасной работе.

— Хорошо, — сказал Вейзер, — я их всех соберу.

Каковы бы ни были результаты, наше решение было принято. С каждым днём я все больше убеждался в его верности и, желая, наконец, кое-что сделать, я собрал офицеров, инженеров, моих помощников и посредников. Все они согласились со мной, что надо приступить к испытанию новой системы.

Часы, которые я иногда проводил на «Фридрихе Великом», были для меня часами отдыха и покоя. Этот корабль был оазисом в пустыне моих галлюцинаций, так как днем и ночью с каждым стуком в дверь моей комнаты или моей конторы мне казалось, что ко мне явились агенты особых отрядов, созданных нью-йоркской полицией специально для слежки за лицами, деятельность которых угрожала регулярному морскому транспорту союзников. Два года спустя я узнал, что благодаря Бонифейсу, Вейзеру и Удэ, а также всем тем, которые включились в этот вид чрезвычайно опасной войны, мне удалось направить американскую разведку по совершенно ложному следу.

Однажды ночью, опершись о перила на борту «Фридриха Великого» и любуясь мирным зрелищем города при ярком свете луны, я вдруг сказал себе: «Почему не уничтожить самый корень зла? Почему не взяться за самые пристани, к которым причаливают эти пароходы, транспортирующие снаряды?» Постепенно эта мысль превратилась в желание, желание в решение и решение в распоряжение, которое я дал моим помощникам.

На следующий день утром в помещении дирекции Северо-западных железных дорог Мексики был созван настоящий «военный совет».

Мистер Бонифейс покачал головой, как он это обычно делал после долгих размышлений.

— Капитан, я не могу принимать участие в подобном предприятии.

Он торжественно взял уголовный кодекс Соединенных Штатов и, надев на свой римский нос пенсне, стекла которого не отличались особой чистотой, раскрыл его.

— Параграф 2345 уголовного кодекса гласит...

— Ладно, все мы прекрасно знаем параграф 2345, но это ничего не значит, — прервали его со всех сторон. — К чорту ваш уголовный кодекс!

— Вот вам триста долларов задатка за ваш юридический совет, а вы знаете, что я подразумеваю под юридическим советом, — сказал я Бонифейсу. — Юридический совет в нынешних обстоятельствах ничего решительно для меня не представляет. Помогите мне обойти закон, и это всё, что мне от вас надо.

— Что же, в таком случае... — сказал Бонифейс, тщательно спрятав полученные ассигнации в одном из многочисленных карманов своей поношенной одежды.

Затем, перелистав несколько страниц, он сказал:

— Параграф 678 уголовного кодекса перечисляет отягчающие вину обстоятельства. — Затем он взял другой толстый том, к которому он, повидимому, часто прибегал, так как его страницы носили на себе многочисленные следы пальцев.

— Комментарии уголовного кодекса Соединенных Штатов подробно перечисляют, при каких обстоятельствах доказательство преступления считается установленным...

— Вот именно это мне и нужно. Вот то место, тот параграф, который вы нам прочтете. Объясните нам, когда на сцену выступают отягчающие вину обстоятельства и в чём заключается доказательство виновности. Читайте это громко и чётко, мистер Бонифейс. Это очень важно для всех нас!

Несколько раз протерев свое пенсне и еще раз внимательно ознакомившись с текстом, мистер Бонифейс в конце концов заявил, что его возражения юридического порядка могут быть лишены всякого основания.

Бонифейс предупредил меня, что против меня и моих действий может быть применен закон 1825 года о пиратстве и что в этом случае мне обеспечено десять лет тюрьмы!

В его лице мы имели замечательного юрисконсульта, и его совет стоил трехсот долларов.

* * *

В назначенный день и час, в сумерки, мощная шестицилиндровая машина остановилась в условленном месте на берегу Нью-Джерси. Она на пароме была доставлена из Нью-Йорка. Я вскочил в машину.

Пересекая площади и улицы, трамвайные линии и места довольно унылого вида, усеянные тряпьем и отбросами, оставшимися после недавней разгрузки парохода, временами проезжая луга и болота, мы, наконец, подъехали к воротам навеса, за калиткой которого увидели несколько фонарей, показывающих, как далеко растянулись молы, построенные на Гудзоне.

Постепенно мы осматривали один мол за другим, и каждый раз, когда показывался ночной сторож, имевший желание помешать нам в нашем деле, несколько долларов, сунутых Максом Вейзером в его руку, делали его немым, как могила. Мы даже произвели необходимый обмер; шагами мы измеряли расстояние и изучили возможность удобного подхода моторных лодок, а также возможность быстро исчезнуть и скрыться.

Такое тщательное изучение потребовало двух или трех вечеров, после чего наши планы приняли конкретные формы. Мы добрались до корня зла, и этот корень надо было уничтожить во что бы то ни стало, а после нас — хоть потоп!

Надо было выиграть войну, всё же остальное нас не беспокоило.

Эти частые посещения мола Нью-Джерси, предпринимаемые с большой тщательностью и осмотрительностью, вскоре открыли нам самые уязвимые места, т. е. самые важные с моей точки зрения. Мои знания вообще, и военные в частности, вскоре показали мне, что можно предпринять в этих местах, куда один за другим прибывают поезда, нагруженные снаряжением, исчезающим в огромных складах.

При одном из наших посещений мы добрались до конечной станции с несколько странным названием — «Черный Том». Судя по многочисленным железнодорожным путям, проложенным здесь, это был один из самых важных пунктов, откуда союзники отправляли свои военные материалы. Я сохранил в памяти его странный вид, напоминавший по форме голову какого-то чудовища.

Невольно я подумал, что необходимо нанести сокрушительный удар по голове этого «Черного Тома». Когда все приготовления будут сделаны и наготове будет стоять мощная моторная лодка, чтобы со всей быстротой исчезнуть на громадной поверхности Гудзона, это удастся совершить в

мирный летний вечер вдали от нескромных взглядов и не подвергая опасности ни одну человеческую жизнь.

Спустя приблизительно год, когда я находился в качестве военнопленного в Дониингтон-холле, в одно жаркое летнее утро мой взгляд остановился на заголовке, напечатанном крупными буквами в «Таймсе».

ВЗРЫВ ГЛАВНОЙ ПРИСТАНИ, ОБСЛУЖИВАВШЕЙ ПАРОХОДЫ СОЮЗНИКОВ „ЧЕРНЫЙ ТОМ“ РАЗРУШЕН НЕПРИЯТЕЛЬСКИМИ АГЕНТАМИ!

Я имел свое собственное мнение об источнике этого взрыва и о людях, которые произвели его.

* * *

Заговорили о «Лузитании». Правда ли, что она перевозит аммуницию? Однажды вечером один из моих самых надежных офицеров, покуривая свою сигару, рассказал мне грустную историю.

— «Лузитанию» долгое время уже подозревали в том, что она тайно перевозит огнеприпасы. Полагали, что их прячут среди мешков с мукой, причём утверждали даже, что на борту она имеет два тяжелых орудия, чтобы быть обеспеченной против всяких случайностей в пути. Мы знали об этих слухах, но вскоре должны были убедиться, что они ни на чем не основаны.

Эти слухи дошли также и до германского посольства, и капитану Бой-Эду было дано распоряжение узнать, действительно ли этот пароход снабжен орудиями. Если бы оказалось возможным доказать американцам, что «Лузитания» имеет на своем борту пушки, она была бы интернирована как военное судно. Капитан Бой-Эд поручил это дело какому-то человеку по имени Сталь, и через несколько дней этот человек явился, заявив, что он исполнил данное ему поручение. Он, якобы, ночью вскарабкался на палубу «Лузитании» и там заметил два орудия, скрытые под грудой хлама. Морской атташе привел его к судебному приставу, перед которым Сталь под присягой заявил, что собственными глазами видел эти два орудия. Снабженный этим показанием, посол отправился в министерство иностранных дел Соединенных Штатов и потребовал интернирования

«Лузитании». Американское правительство немедленно назначило следствие, но никаких орудий на борту «Лузитании» не было найдено, и показание Сталя было опровергнуто. Под перекрестным допросом он вынужден был сознаться, что историю, рассказанную им Бой-Эду, он выдумал в надежде получить обещанные две тысячи долларов. Деньги им были уже получены. За ложную присягу его присудили к двум годам тюремного заключения.

Эту неприятную историю мне рассказал капитан Вольперт. Когда он окончил свой рассказ, я заметил, что он носит на своей правой руке повязку. Он мне рассказал, что накануне он пересекал Гудзон на пароме, имея в своих карманах несколько наших зажигательных аппаратов. Держа руку в одном из карманов, он внезапно почувствовал сильную боль: загорелся один из аппаратов. У него хватило присутствия духа немедленно выбросить его за борт, прежде чем пламя успело вырваться со всей силой. К счастью, никто не заметил этого, но Вольперту пришлось поспешно отправиться к врачу, так как кожа на руке была сожжена.

Постепенно все наши планы приняли конкретные формы, и нужные люди были расставлены на своих местах. Однажды днём в начале мая 1915 года случилось событие величайшей важности — «Лузитания» была потоплена. К несчастью и вопреки всеобщему мнению о том, что по самой структуре такой прекрасный пароход должен продержаться на воде несколько часов, что даст возможность спасти всех пассажиров, на «Лузитании» произошёл внутренний взрыв, и пароход скрылся под водой, увлекая с собой громадное количество человеческих жизней. Верно или неверно, что американская таможня выдала «Лузитании» свободный пропуск, не имея на это права? Все это, вероятно, останется тайной. Мистер Дадли Филд Мэлоун, начальник нью-йоркской таможни, получил распоряжение передать министерству внутренних дел в Вашингтоне все документы, касающиеся «Лузитании». Что из них можно было узнать, — это уже другая история.

* * *

Мои помощники пришли ко мне вечером, и мы обсудили первые меры. Некоторые из них имели уже наготове выработанный ими план. Они знали своих земляков, работающих в доках в качестве грузчиков, и заявили мне, что эти люди готовы раскладывать наши «сигары» на английских транспортах. Они даже наметили уже один пароход — «Фебус», который должен был через несколько дней сняться с

якоря и трюмы которого были наполнены снарядами. Я открыл ящик моего стола, в котором находились аппараты, и вскоре весь запас был исчерпан. Утром на следующий день докеры, участвовавшие в заговоре, по обыкновению несли на борт «Фебуса» мешки, ящики и тюки и, улучив минуту, когда никто их не видел, они быстро нагнулись в одном из темных углов трюма, чтобы среди груза спрятать один из аппаратов. Когда «Фебус» отплыл в Архангельск, в каждом из его трех трюмов было спрятано по два зажигательных снаряда.

В то время как мои люди орудовали на пароходе, я с равнодушным видом прогуливался на пристани, время от времени бросая взгляд через перила, где складывались ящики со снаряжением. Я видел, как английские часовые с ружьями через плечо охраняли ящики, следя, чтобы никто не подходил к их драгоценному грузу. Вечером мои помощники зашли в контору. Они были в наилучшем настроении и заявили, что «Фебус» должен отправиться завтра и что они положили адские машины на других пароходах, собирающихся покинуть порт через несколько дней. Таким образом, мы израсходовали все наши запасы, и доктору Шеле было предложено изготовить следующую партию «сигар».

Мы ждали первых результатов. Мы подписались на газету «Шиппинг ньюс», которая ежедневно печатала сводки лондонского Ллойда о торговых сделках и морском страховании. Мы высчитали день ожидаемого происшествия, но прошло несколько дней, а газеты не приводили никаких сообщений о «Фебусе». Но вот однажды мы прочли следующее:

«Происшествия. — Пароход «Фебус» из Нью-Йорка по пути в Архангельск загорелся на море. Отбуксирован в Ливерпуль «Аяксом».

Это было только начало. Все случилось так, как мы предвидели.

В результате успехов я расширил мою организацию. Доктор Шеле работал день и ночь над изготовлением зажигательных снарядов, и результаты были всегда хорошие. Число происшествий в бюллетенях пароходных компаний еще больше увеличилось, а «Нью-Йорк таймс» опубликовала на первой странице несколько сообщений, которые нас глубоко обрадовали.

Это нас окрылило, и мы продолжали, не переставая, раскладывать наши «сигары». Я открыл филиалы в Бостоне, Филадельфии, Балтиморе и постепенно во всех главных южных портах Соединенных Штатов.

* * *

Из всех портов я получал шифрованные письма, сообщавшие названия пароходов, на которых мои люди положили зажигательные снаряды, и я тщательно изучал «Шиппинг Ньюс», чтобы узнать их судьбу. Во многих случаях на этих пароходах вспыхивал пожар, и перевозимое ими снаряжение гибло. Однако случалось также, что огонь, повидимому, удавалось быстро локализовать, так как почти половина пароходов отделялась небольшими повреждениями или же, надо полагать, зажигательные снаряды не действовали как следует.

Однажды я пригласил доктора Шеле, чтобы спросить, не может ли он усовершенствовать свое изобретение. Хотя я был убежден в необходимости найти другие методы разрушения, я ничего не находил, и когда химик явился, мы говорили с ним о его «сигарах» и о разных других вещах. Наш разговор пришел к концу, но, вместо того чтобы уйти, доктор Шеле продолжал оставаться в кресле, и вдруг я почувствовал, что он задержался с недобрыми намерениями. Я смотрел в окно, как если бы его не было в комнате. Уже смеркалось. Вдруг он поднялся, подошел к моему рабочему столу и сказал недовольным тоном:

— Если я сегодня же вечером не получу десяти тысяч долларов, то я немедленно отправляюсь в полицию.

Я продолжал смотреть в окно. Давно уже я ждал шантажа, но я твердо решил не отступить ни перед какой угрозой, зная, что если я уступаю хоть один раз, я погиб. Я быстро собрался с мыслями и решил, что не могу ещё рисковать и послать этого человека к дьяволу. Шеле продолжал стоять возле меня; я повернулся к нему и сказал:

— Конечно, я дам вам эти деньги. Чек вас устроит?

— Да, капитан, чек вполне меня устроит.

— Но ведь банки закрыты уже.

— Завтра утром они будут открыты.

Я ему вручил чек, и он ушел вполне довольный. В его глазах я увидел, что он считает себя вполне спокойным, и тогда я понял, что это один из самых больших мошенников, с которыми мне приходилось сталкиваться на моем пути. Он распрощался и, надев перчатки, вышел. Пока он ожидал лифта, я спросил его, не согласится ли он вечером выпить со мной и одним из моих капитанов кружку пива. Он с удивлением посмотрел на меня. Я увидел, как в его глазах блеснул огонек. Он был убежден, что слишком напутал меня для того, чтобы я хотел с ним ссориться.

несмотря на всю подлость его шантажа. Он определенно верил, что я хочу сохранить с ним прежние хорошие отношения, и я впоследствии убедился, что мое чутье меня не обмануло. Так или иначе, но мы договорились с ним встретиться в тот же вечер в одном ресторане — Вулворт-билдинг. Дверь лифта захлопнулась с шумом, и доктор Шеле ушел, рисуя в своем воображении маленький деревенский домик, о котором он давно уже мечтал и который он теперь сумеет купить на холмах Нью-Джерси, с видом на море. По крайней мере, он так полагал.

Вернувшись в контору после того, как все ушли, я опустился в кресло и стал разрабатывать план действий. Я всегда считал, что не могу примириться с таким маневром, так как мой «артист» через неделю явится и потребует вдвое больше, а еще через месяц он эту сумму увеличит в десять раз. Тем более, что по получении всех сумм, которые он от меня потребует, ничто не мешает ему пойти в полицию и донести на меня. Первым делом надо предупредить банк, чтобы он не выплатил по данному мной чеку. Я по телефону вызвал двух из моих капитанов; я им сказал пароль «Нотлейне» (сигнал тревоги), и они тотчас же поняли, что приближается какая-то опасность. Я им быстро назначил свидание, заявив, что «показались акулы».

Доктор Шеле, к моему великому удивлению, явился, как было условлено.

Несколько времени мы сидели вдвоем за кружкой пива, ведя беседу о посторонних предметах. Он старался доказать мне, какой он ценный сотрудник для меня, и, как будто ничего не случилось, перечислял ряд мер, которые надо принять. Я отвечал очень вежливо. Лишь полчаса спустя явились оба капитана. Доктор Шеле не знал их, а они в свою очередь не знали, зачем я их вызвал, так как, естественно, по телефону я объяснить этого не мог. Они сели за столик неподалеку от нас, так что мой собеседник даже не догадывался, что я знаком с ними. Улучив момент, когда он вышел, я быстро посвятил капитанов в суть дела и сказал, какой помощи я от них жду. Выйдя на улицу, я распрощался с доктором Шеле и вернулся в мой отель, недалеко от ресторана. Что касается Шеле, то он и два моих моряка остались вблизи Хобекеена, на другом берегу Гудзона.

Химик переехал реку на пароме. Оба капитана последовали за ним. Он начал прогуливаться по берегу и, когда очутился в неосвещенном углу возле одной из больших при-

станей, один из двух моих людей, громадный детина, внезапно направился к нему и спокойно сказал:

— Верните мне чек, который вы выманили у капитана, или вы получите от меня такой удар по физиономии, что свалитесь в воду.

Шеле быстро осмотрелся вокруг, но нигде не заметил ни живой души. Он попятился, увидев угрожающее лицо капитана Вольперта, достал чек из кармана и отдал ему. Но Вольперт не трогался с места, суровый и грозный, и химик ухватился обеими руками за перила.

— Конечно, — сказал Вольперт, — вы можете теперь отправиться в полицию, но я думаю, что она вам не даст того жалованья, какое вы получаете от фирмы «Гиббонс». Во всяком случае, у нас найдется несколько людей, которые с удовольствием разможат ваш дурацкий череп железным прутом. Неужели вы действительно полагаете, что такие люди, как мы, не найдут средств, чтобы навсегда помешать вам показывать ваши золотые зубы?

Подошел паром, но Шеле не тронулся с места. Капитан Вольперт быстро повернулся к нему спиной и, держа руки в карманах, решительным шагом поднялся на паром.

Утром на следующий день он принес мне чек. Мы прекрасно понимали, что нами затеяна довольно опасная игра, ибо если Шеле на время напуган, то невозможно предугадать, что он предпримет дальше. На мой зов явился Бонифейс, и я просил его проследить за поведением Шеле в отношении полиции и немедленно сообщить нам, если он на нас донесет. Бонифейс, который только что «похоронил» одно из очередных наших дел, заложил руки в карманы, посмотрел на потолок и сказал:

— Капитан, Нью-Йорк кишит «грязными людьми», но я хочу испробовать одно средство, которое избавит вас от Шеле.

Он ушел, и через несколько дней я узнал, что он сделал.

Мой химик имел слабость. Он любил женщин, он любил их до такой степени, что позволял водить себя за нос, если они были молоды и красивы. Мистер Бонифейс знал это и соответственно построил свой план. Чтобы понять этот план, надо сказать, что в Соединенных Штатах существует закон, который часто служит предметом особых злоупотреблений. Этот закон сурово карает за обольщение, что само по себе очень правильно. Но когда кто-нибудь хочет «насолить» другому, этот закон может быть использован с такой легкостью, что это становится фарсом, и фарсом опасным.

Как я говорил уже, Бонифейс имел самую разнообразную клиентуру, и в том числе одну молодую, красивую особу, к услугам которой он очень часто прибегал. Кроме того, Бонифейс находился в прекрасных отношениях с полицией, в особенности с одним детективом, который неоднократно уже помогал ему.

Однажды, когда доктор Шеле переезжал Гудзон на пароме, рядом находилась также эта молодая девушка, которая невзначай уронила свой зонтик. Галантный химик поспешно поднял его, и завязавшееся таким образом знакомство быстро перешло в дружбу. День или два спустя доктору Шеле надо было совершить поездку, и он пригласил девушку составить ему компанию. У него был хороший Форд, в котором они оба поехали. Когда нью-йоркские небоскребы остались позади, Шеле убавил ход, предвкушая предстоящее удовольствие. Но вдруг на краю дороги показался какой-то человек. При виде его молодая девушка принялась визжать и неистово размахивать руками. Изумлённый доктор Шеле ещё больше замедлил ход и спросил, что случилось. Человек на краю дороги поднял руку и остановил машину. Девушка выпрыгнула на шоссе, обвиняя своего спутника в том, что он хотел её обольстить, и требуя, чтобы позвонили в полицию. Незнакомец заявил, что он полицейский агент и что машину он остановил, услышав плач. Он заявил Шеле, что тот арестован. Химик не мог опомниться от страха. Он долго убеждал детектива, который, наконец, позволил ему ехать, но предварительно Шеле пришлось употребить все свое красноречие и дать полицейскому солидную сумму, чтобы замять дело. Таким образом, он продолжал свое путешествие, полный горьких дум об испорченности людей.

Когда Шеле вернулся и явился в мою контору, там находился Бонифейс, который продолжал комедию. Он сообщил, что ему известно о том, что какая-то молодая девушка обратилась к очень знаменитому нью-йоркскому адвокату по поводу попытки какого-то доктора Шеле обольстить ее. Ему, Бонифейсу, поручено этим адвокатом найти упомянутого Шеле. Девушка утверждала также, что ее «обольститель» подкупил одного полицейского, чтобы он молчал, и что, одним словом, мистер Бонифейс имеет право посадить доктора Шеле в тюрьму. Но Бонифейс оказался уступчивым:

— Если вы ничего не будете говорить, то я тоже ничего не скажу.

Таким образом, Шеле успокоился и продолжал изготовлять для нас свои зажигательные снаряды.

Однако над нами начали сгущаться тучи, и положение начало становиться тревожным. Дальнейшее применение «сигар» стало для нас опасным. Однажды я был среди ночи разбужен телефонным звонком; взяв трубку, я узнал голос Бонифейса. Он ничего не стал мне рассказывать, а лишь попросил встретиться с ним на следующий день утром, до открытия конторы. Я явился пунктуально и узнал от Бонифейса, что полиция накануне вечером проявила лихорадочную деятельность. Доки кишели детективами, разыскивавшими банду, которая раскладывала бомбы на пароходах. В достоверности этого Бонифейс не сомневался, так как он узнал это от одного из своих приятелей в полицейском управлении.

Мы отправились в доки, строя всевозможные догадки относительно этих внезапных мер, как взгляд мой упал на первую страницу только что купленной мною «Нью-Йорк таймс». Дело касалось нас. Газета сообщала с большими подробностями, что при уборке пуского трюма на пароходе «Кирк Освальд» в марсельском порту нашли небольшую трубку подозрительного вида, которая при тщательном осмотре оказалась чрезвычайно опасным разрушительным снарядом. Этот снаряд мог быть положен только во время стоянки парохода в Нью-Йорке, и сразу же стало ясно, что между многочисленными пожарами на море за последние два месяца имеется определённая связь.

Газета сообщала также, что вся разведка нью-йоркской полиции поднята на ноги в поисках злоумышленников и что полиция напала на след, который дает хорошие шансы на успех розысков.

Я вспомнил, что мои люди действительно положили снаряд на пароход «Кирк Освальд», но я знал также, что это судно направлялось в Архангельск. Очевидно, в пути оно получило другое распоряжение и отвезло свой груз в Марсель. Снаряд же не оказал никакого действия, потому что он был рассчитан на более продолжительный срок, необходимый для долгого путешествия в Архангельск.

В это утро я имел свидание в зале моего отеля и по выходе заметил, что за мной следят. Два человека, которых я заметил в зале, последовали по моим стопам. Я поехал в отдаленный квартал и убедился, что не ошибся; слёжка за мной продолжалась. Я отправился пешком, имея за собой на почтительном расстоянии обоих сыщиков. Заметив

такси и видя, что поблизости другого автомобиля не видно, я вскочил в него и быстро поехал к себе в контору кружным путем. Я немедленно ликвидировал фирму «Э. В. Гиббсон» и закрыл лавочку. Надо было исчезнуть на некоторое время, и, поспешно договорившись о поддержании связи друг с другом, мои помощники рассеялись по всем направлениям. Я выбрал мирное курортное место вблизи Нью-Йорка, где стал ожидать событий, но ничего не случилось. Так как мы больше не раскладывали зажигательных «сигар», полиции нечего было находить. Я же со своей стороны нуждался в некотором отдыхе.

Место моего уединения было расположено не очень далеко от Стэмфорда в Коннектикуте, где я устроился в скромном отеле. Я наслаждался морем и солнцем, набирая сил перед возвращением в Нью-Йорк. В книге для приезжающих я записался под именем Бреннона, прибывшего из Англии. Обычно я был один, ни с кем не разговаривал, но ежедневно получал из Нью-Йорка письма и таким образом был в курсе всего происходящего. Я с нетерпением ждал возобновления моих операций, но ускорить события было бы неблагоприятно; поэтому я остался в отеле еще на некоторое время. Мои агенты написали мне, что человек, который обратил внимание полиции на шайку, орудовавшую в нью-йоркских доках, был не кто иной, как капитан Г., английский морской атташе в Вашингтоне. Во всяком случае розыски, предпринятые полицией, доказали лишь то, что она бессильна найти какое-либо доказательство, которое подтвердило бы предположение англичанина. Капитан Г. просил прислать отряд английских сыщиков, которые должны были действовать по собственной инициативе и под его руководством, чтобы изловить заговорщиков. Атташе хотел сам собрать доказательства, которые побудили бы американскую полицию вмешаться. Прибыли сыщики, в том числе агенты Скотленд-ярда, специалисты своего дела. Бонифейс рассказал, что они идут по определенному следу; мои помощники в Нью-Йорке были сильно обеспокоены, так как не была исключена возможность, что агенты из Скотленд-ярда напали на их след.

Я читал это сообщение, спокойно растянувшись на пляже, но в конце концов эта история начала меня серьезно тревожить. Если полиция действительно открыла что-нибудь, то было бы слишком рискованно подбрасывать новые снаряды. Нам следует ликвидировать всё наше предприятие и предоставить другим довершить начатое нами дело. Ан-

глийские сыщики выжидают лишь наших первых шагов, чтобы схватить нас; но, с другой стороны, если они не напали на наш след, то мы можем спокойно продолжать нашу работу наперекор капитану Г. и его ищейкам из Скотленд-ярда.

В этот день, под вечер, я шел вдоль берега, направляясь в сторону находившегося неподалеку другого курорта, более светского, более шикарного и менее сонного, чем тот, в котором я уединился. Я прогуливался, погруженный в свои мысли, и вдруг очутился на террасе небольшого отеля. Я выпил чашку холодного кофе под звуки джаз-банда, ломая себе голову над проблемой, что известно и что неизвестно капитану Г.

Подняв глаза, я увидел перед собой двух дам, которые меня знали. Им неизвестно было ни мое имя, ни чем я занимаюсь, они помнили лишь то, что случайно встретили меня на каком-то светском вечере в Нью-Йорке. Это было очень поздно вечером, и я вспомнил, что мое имя было известно только хозяину. Дамы узнали меня, подошли к моему столу. Это были миссис Джеймс Б. и мисс Мэйбл Л. Старшая из них, миссис Джеймс, была женой нью-йоркского углепромышленника, а мисс Л., молодая и очень хорошенькая особа, была ее лучшей подругой. Они очень обрадовались встрече со мной, так как дам было гораздо больше, чем мужчин. Я тут же мог установить, что мое имя им было неизвестно. Я поспешил заявить, что моё имя Бреннон, и они сразу же вспомнили это имя.

Мы говорили о всякой всячине: водном спорте, войне, новых танцах, бирже, религии, и я узнал, что они проживают в отеле, на террасе которого мы находились. Они рассказали мне, что завтра вечером в этом отеле должен состояться большой светский бал и что приглашения уже разосланы. Они просили меня присутствовать. В самом деле, трудно было собрать достаточно кавалеров для танцев, и эти дамы рассчитывали на меня. У меня не было никакого желания присутствовать на этом вечере, так как голова у меня была занята другими заботами, как вдруг мисс Л., к великому моему удивлению, сказала следующее:

— Будет замечательное общество. Ведь вы англичанин, не правда ли? Вам, несомненно, небезынтересно будет знать, что на вечере будет ваш морской атташе капитан Г. Это очаровательный человек. Вы знакомы с ним? Нет? Приходите, мы познакомим вас.

Я глядел на море; тихо доносились звуки оркестра. Мои дамы принялись уничтожать пирожные. И я тут же решил пойти на большой риск в надежде узнать то, что мне нужно.

— Я буду счастлив разделить вашу компанию, — ответил я.

Они мне сообщили, что отель небольшой, но что здесь собирается хорошее общество, и для того чтобы попасть сюда, надо иметь рекомендацию от высших нью-йоркских кругов. Большинство комнат было уже давно забронировано. Все гости знали друг друга, образуя, так сказать, небольшой клуб.

На следующий день утром я пересел в этот светский отель по рекомендации обеих дам.

Вечером, когда дамы оделись в свои лучшие наряды и когда мужчины появились во всем блеске своих вечерних костюмов, наступил долгожданный момент. Миссис Б. представила меня капитану Г. Мне было сказано, что я имею удовольствие видеть перед собою английского атташе, а ему, что он имеет удовольствие познакомиться с мистером Бренноном.

Когда дама оставила нас, мы стояли в амбразуре одного из громадных окон, выходящих на море. Атташе, очевидно, подыскивал подходящие слова, чтобы сказать что-нибудь приятное своему соотечественнику. Это был высокий широкоплечий человек с умным и очень энергичным лицом; он немного наклонился вперед, вдыхая свежий морской воздух.

Я начал развивать мой план.

— Я — командир Бреннон, сэр, меня командировали в Соединенные Штаты для ознакомления с только что изобретенной новой торпедой. Вчера я узнал в Нью-Йорке странную вещь, которую мне бы очень хотелось вам сообщить; но вы уже уехали из города, и я подумал, что это может подождать вашего возвращения.

— О, — заметил атташе, — следовательно, я еще больше поздравляю себя с тем, что встретил вас здесь.

— Мои знакомые здесь знают только, что я англичанин, — сказал я поспешно, — но им неизвестно, что я принадлежу к флоту, да и было бы нежелательно, чтобы они это знали.

— Вы правы, но, скажите мне, господин командир, что вы хотели мне сообщить?

Я призвал на помощь всю свою энергию.

— Некий капитан Джонсон, командир одного английского судна, рассказал мне довольно странный случай, сви-

детелем которого он был. Несколько дней назад он видел, как пять человек несли через дожди тяжелые ящики, и, так как они показались ему подозрительными, он прошел за ними около двухсот ярдов. Они погрузили свои ящики на моторную лодку, которая тотчас же отчалила. Так как ночь была светлая, он сумел увидеть, что они причалили к одному пароходу, который был нагружен военным снаряжением и должен был на следующий день выйти в море. Самое странное в этом деле то, что эти пять человек и их ящики были подняты на борт при помощи лебедки. Пароход ушел, но утром Джонсон пошел и расскал капитану о том, что он видел. И что же, вы думаете, он ответил ему? Никто на борту парохода не видел этих людей — ни дежурный офицер, ни люди команды, ни наши детективы. Все это очень странно, не правда ли?

Капитан Г. слушал очень внимательно.

— Скажите, пожалуйста, достаточно ли хорошо видел ваш капитан хотя бы одного из этих людей, чтобы он мог его опознать? Не заметил ли он, как они были одеты, и не сказал ли он вам, как они выглядели.

Я выразил сожаление по поводу того, что капитан Джонсон, который ушел уже с кораблем в море, больше ничего не сообщил мне и что, следовательно, я никаких подробностей больше не могу сообщить.

— Я полагал, что это вас заинтересует. Мы так много слышали за последнее время об актах диверсий на наших судах.

— Конечно, — ответил капитан, — это меня интересует. Вам, вероятно, известно, что у нас есть определенные подозрения. В нью-йоркском порту имеется шайка, которая орудует под руководством одного немецкого офицера. Нам даже известно его имя. Его зовут Ринтелен, его имя многократно упоминалось в радиogramмах германского посольства. Но, странное дело, американская полиция утверждает, что этот джентльмен ничего преступного не делает, между тем мои люди видели его разгуливающим в доках. Он даже однажды раскрыл свое имя в одной из таверн, когда был пьян и не отдавал себе отчета в том, что говорит. О своей деятельности он ничего не сказал, но не подлежит сомнению, что в его распоряжении имеется моторная лодка, на которой он по целым дням разъезжает по порту, продавая командам отходящих пароходов всевозможные товары. Больше я ничего не могу вам сказать, но уверяю вас, что скоро он будет в наших руках.

— Да это будет не так уже трудно, — заметил я, смеясь про себя, хотя и чувствовал, что я сильно оскорблен. — Субъект, который напивается, не умеет держать язык за зубами и разъезжает по порту на моторной лодке, должен легко попасться.

Тут оркестр прервал нашу беседу, и я должен был пригласить мисс Л. на танец. Она нашла во мне любезного партнера, так как я действительно был в прекрасном настроении, и не без основания.

Правда, я знал, что англичане подозревают меня, но я не мог понять, как они могли поверить, что я пьянствую в портовых тавернах и обделываю свои дела на моторной лодке. Тот факт, что я нахожусь на подозрении, не мог, конечно, доставить мне удовольствия, но рано или поздно это было неизбежно, и это меня мало трогало, поскольку они верили всем этим благоглупостям. Было очевидно, что они не знали ни настоящего плана, ни вдохновителей нашего плана, ни тех, кто его выполняет; иными словами, они попали на ложный след и охотились за каким-то призраком, отождествляя его с моей собственной особой. Я мог вернуться в Нью-Йорк и опять взяться за свою работу.

Вдруг я увидел, что мой атташе беседует с каким-то человеком, который с виду был похож на слугу и который, очевидно, только что передал ему письмо. Я вновь пригласил свою даму. Позднее, когда я опять увидел капитана Г. у буфета, он отвел меня в уединенный угол, куда нам подали салат. Он рассказывал мне о многих своих товарищах из флота, а так как в Берлине я работал в английском отделе, затем во время моих многочисленных переездов и поездок встречался со многими английскими офицерами и, наконец, на экзаменах в генеральном штабе я представил диссертацию об английском флоте, я имел возможность рассказать ему ряд историй об офицерах, являвшихся нашими общими знакомыми. Мы сидели в нашем углу и говорили о наших морских делах, к великой досаде наших дам. Капитан Г. становился все более и более доверчивым и, наконец, сообщил мне, что только что получил письмо, которое причинит ему много хлопот этой ночью. Он узнал, что капитан небольшого грузового парохода, находящегося теперь в Нью-Йорке, видел в Атлантическом океане германский крейсер «Карлсруэ». Он указал мне долготу и широту его местонахождения, и для меня было ясно, что «Карлсруэ» имеет какой-то определенный

план, так как крейсер даже не обратил внимания на грузовой пароход.

«Карлсруэ»! Я не имел о нем сведений с момента моего отъезда из Берлина, и теперь он или какой-нибудь вспомогательный крейсер под этим именем, чтобы ввести в заблуждение англичан, курсирует по Атлантическому океану, подстергая неприятельские торговые суда, отправляющиеся из Америки в Европу. По крайней мере, я так думал, но сказал лишь:

— «Карлсруэ»! Неужели «Карлсруэ»? И что же вы намереваетесь предпринять?

— Это очень просто, — ответил капитан Г., — вы, вероятно, сами догадываетесь. Через час я телеграфно известу лондонское адмиралтейство и одновременно по собственной инициативе известу Бермудскую эскадру о нахождении в наших водах этого наглого крейсеришки. Эскадра отправит броненосец «Принсесс Роял», чтобы расправиться с ним.

Если мощные броненосцы Бермудской эскадры обрушатся на маленький «Карлсруэ», то в исходе не приходится сомневаться. Это убеждение сопровождалось в моем сознании желанием дать этой эскадре совсем другое занятие, чем охоту за «Карлсруэ». Если мне удастся задержать её выступление на несколько дней, можно будет предупредить германское судно по беспроволочному телеграфу. Я не знал еще, как это сделать, но надеялся что-нибудь придумать.

— Я полагаю, — сказал я, — что эскадра крейсеров должна была бы обратить внимание на вспомогательные немецкие крейсеры.

— Вспомогательные немецкие крейсеры? О каких крейсерах вы говорите?

— Я хочу сказать, сэр, что бермудские крейсеры должны были бы помешать укрывшимся в нейтральных портах большим немецким пароходам. Их насчитывается от тридцати до сорока, и они очень быстроходны. Ходят слухи, что в случае, если Соединенные Штаты прервут дипломатические сношения с Германией, они попытаются избежать плена и что они имеют на борту пушки, которыми эти проклятые боши сумели их снабдить.

Атташе кусал себе губы.

— Да, да, конечно, — сказал он, — конечно.

Я видел, что эта весть взволновала его. В этом не было ни слова правды, хотя такой план действительно как-то обсуждался. Атташе всего мира похожи друг на друга. Они охотнее позволяют отрубить себе уши, чем признаются.

что они не в курсе чего бы то ни было касающегося круга их дел.

Наконец, он сказал:

— Я думаю, что эти немецкие пароходы в своем плане не зашли еще слишком далеко. Как вы об этом узнали?

— Я это узнал от одного американского инженера, изобретения которого я изучаю, а также... позвольте, кто еще мне рассказывал об этом? Ну да, конечно, я вспоминаю теперь: это был нефтепромышленник.

Атташе глубоко задумался.

— Да, — сказал он, — я ознакомлюсь с этим делом. Действительно, лучше захватить эти пароходы, чем посылать наши крейсера преследовать «Карлсруэ».

Меня пригласили принять участие в игре, затеянной дамами, и я больше не мог от них отделаться. Затем надо было опять танцевать, но я стал искать глазами капитана Г., который куда-то исчез. Некоторое время спустя я совершил с мисс Л. на пляже весьма романтическую прогулку при лунном свете. Во время прогулки дорогу нам пересек какой-то человек во фраке. Это был капитан Г. Он с другой стороны взял под руку мисс Л., и мы втроем вернулись в отель. По дороге я ломал себе голову над тем, как узнать, что мог делать капитан Г. во время его отсутствия. Я решил построить свой маневр на прекрасном знании типа «атташе» и принялся говорить ему приятные вещи. Я выразил свое величайшее сожаление, что мне самому, вероятно, никогда не удастся быть атташе, что, заметил я, было всегда моей заветной мечтой.

— Что касается вас, то вы играете большую роль в этой мировой войне. О вас всегда будут говорить: он был британским морским атташе в Вашингтоне. Лондон действует по вашим указаниям, и все делается так, как вы желаете.

Капитан Г. внимательно слушал и по всем видимостям был очень доволен мной. Он отвечал любезно, и, когда мы посторонились, чтобы пропустить в отель мисс Л., он удержал меня, чтобы сказать мне очень тихо:

— Господин командир, вы принадлежите к тем людям, которые понимают дело, и вы, вероятно, умеете хранить тайну. Телеграммы, которые я только что отправил, подготавливают сюрприз немецким пароходам, если они попытаются покинуть порт. Мы, таким образом, на некоторое время оставим «Карлсруэ» в покое.

Нет такого бала, которому не пришел бы конец, и я был счастлив, когда, наконец, очутился в своей комнате. Я по-

лучил больше, чем ожидал, так как узнал, что англичане не имеют ни малейшего понятия о тайных путях моих агентов в Нью-Йорке, и был уверен, что сумел извратить «Карлсруэ» от орудий английских судов.

Вечер удался на славу.

На следующее утро никакие силы не были в состоянии меня удержать, и я при первой же возможности уехал в Нью-Йорк. Оставив мой багаж на хранение, я постарался связаться с моими людьми. После многих бесплодных попыток я натолкнулся на одного немецкого капитана дальнего плавания. Мы случайно встретились с ним в городе. Обсудив с ним все подробности, мы договорились собрать всех наших людей и отправились в контору бывшей фирмы «Э. В. Гиббонс». Я хотел узнать, не были ли получены за это время письма на мое имя. По дороге мы обсуждали возможные способы предупредить «Карлсруэ» и решили, что морской атташе, вероятно, располагает такими средствами. Я решил поздно вечером телеграфировать капитану Бой-Эду и сообщить ему то, что я узнал.

Открыв дверь моего бюро, мы страшно удивились, увидев большую грудку писем на полу. Это, несомненно, были письма с предложением всевозможных товаров в ответ на запросы неутомимого Макса Вейзера, каталоги, газеты, пробы всевозможных товаров, которые письмоносец просовывал под дверь. Мне понадобилось бы потратить целый день, чтобы разобрать всю эту грудку писем, так что я должен был предоставить это заботам Макса Вейзера, ибо у меня не было для этого времени.

На следующее утро я осторожно связался с моими другими агентами. Я их нашел в различных частях города и в течение всего дня не переставал думать о глупой истории, рассказанной мне капитаном Г. о моих похождениях в портовых тавернах и моих поездках на моторной лодке, с которой я продаю всевозможные вещи командам пароходов. Вечер я провел в ресторане Вулворт-билдинг в обществе моих лучших помощников, в том числе Макса Вейзера и двух немецких капитанов.

Они громко хохотали, когда я им передал эту историю, которая доставила им величайшее удовольствие, но никто не знал, как добраться до крупницы истины, которая, несомненно, лежала в основе всего этого дела. Ведь так много людей напивается в тавернах на берегу, так много людей, занимающихся торговлей в порту. Мы не находили никакого средства, чтобы проникнуть в эту тайну.

На следующий день я встретился с Бонифейсом, который пришёл сообщить мне очередные новости из полиции. Мы встретились с ним в небольшом кафе, и он мне показался более мрачным, чем всегда. Его лицо выдавало скрытое раздражение. Своими словами он ошеломил меня.

— Не мне, капитан, учить вас, как держаться, и я бы никогда не поверил, что вы способны так вести себя. Я никогда бы не мог поверить, чтобы вы были так неосторожны.

Я начал терять терпение.

— Не говорите загадками, сударь. Что такое я сделал? Что случилось? Говорите!

— Вы напились пьяным, — сказал Бонифейс упавшим голосом. — Вы нализались и стали рассказывать, что это вы тот немецкий капитан, который поджигает пароходы.

Это переходило всякие границы.

— Если у вас хватит смелости сказать мне также, что я прогуливаюсь в порту на моторной лодке, я рассержусь.

Бонифейс готов был заплакать, вытирая свое пенсне.

— Зачем, капитан, вы издеваетесь надо мною? Зачем вы это делаете? Послушайтесь моего совета и будьте осторожнее. Зачем вы ходите в порт, капитан? Вы лишь обращаете на себя внимание!

— Откуда вы все это знаете?

— Вся полиция это знает. В полицейском управлении только об этом и говорят. Все сыщики с утра до вечера говорят о вашем деле.

— Мистер Бонифейс, — сказал я, — мистер Бонифейс, послушайте, что я вам скажу. Я никогда в Нью-Йорке не напивался пьяным и никогда не говорил, что я немецкий капитан, поджигающий пароходы. И я никогда не ездил в порту на моторной лодке.

Но Бонифейс поправил свое пенсне и надел шляпу.

— Я очень жалею, что нам приходится расставаться, капитан. Вы больше мне не доверяете. Почему вы не хотите честно признать, что вы совершили ошибку, которая может случиться со всяким, мы могли бы тогда постараться исправить ее.

Я больше не сердился, а разразился хохотом.

— Что мне сделать, чтобы убедить вас? Никогда в своей жизни я этого не делал!

Тогда я вторично услышал эту дурацкую историю, причём Бонифейс подтвердил мне, что вся американская полиция разыскивает германского капитана Ринтелена, который ходит по докам и разъезжает в порту. Я подробно

расспросил его и узнал, что эту точную информацию он получил от одного полицейского, который собственными глазами видел этого капитана.

— Надо узнать всё относительно этого субъекта, мистер Бонифейс. Постарайтесь узнать самые мельчайшие подробности, дабы мы сами могли проследить за этим полицейским, который так афиширует результаты своих розысков.

Бонифейс задумался:

— Это будет стоить денег. Необходимо, прежде всего, «убить» этого субъекта. Я «убью» его суммой в тысячу долларов.

Дело этого стоило. Я передал тысячу долларов Бонифейсу, и он «убил» своего субъекта в тот же вечер.

Бонифейс как-то позвонил мне по телефону. Он был очень взволнован и несколько растерян. То, что он мне сообщил, было действительно довольно интересно. Полиция следила за моим двойником с полудня. Полиция хотела захватить «меня» на месте преступления, в тот самый момент, когда «я» буду карабкаться на борт парохода, чтобы положить туда зажигательную бомбу.

Я был ошеломлен и предложил одному из моих помощников сопровождать меня в доки и вместе со мной переехать Гудзон по направлению Гобокена. Бонифейс пошел первым, и мы последовали за ним.

Бонифейс точно знал место, где полицейские ждали моего прибытия на лодке. Они хотели обыскать ее, чтобы найти там спрятанные зажигательные снаряды. Ещё издали мы заметили двух человек, опершихся о перила мола. Мы их обошли издали, незаметно скрылись в темноте и стали ждать дальнейших событий. Сперва показалась женщина, которая, простояв некоторое время на набережной, начала затем прохаживаться взад и вперед, устремив глаза на воды порта. Затем вдоль пристани показалась моторная лодка. Оба человека исчезли, но мы видели, как они присели на корточки, спрятавшись за железнодорожным вагоном. Из лодки вышел человек, держа в руках две тяжелые корзины. Женщина поспешила ему навстречу. Сыщики ползком приблизились, чтобы преградить ему путь, и, хотя было слишком темно, чтобы можно было увидеть его лицо, я все же заметил, что он высок и носит непромокаемый плащ. Привязав свою лодку, он попросил женщину помочь ему нести корзины, с которыми он направился вдоль пристани к набережной с очевидным намерением поехать в город. Но внезапно они столкнулись лицом к лицу с обоими

сыщиками, которые толкнули их так, что корзины опрокинулись и все содержимое рассыпалось по земле. Сыщики извинились, собрали рассыпанные предметы и сложили в корзины; затем они, приподняв шляпы, удалились, тогда как человек в плаще начал осыпать их ругательствами.

Из нашей засады мы увидели двух других полицейских, пустившихся вслед за этим человеком и его женой; мы пошли за ними. Так как было очень темно и шел сильный дождь, мы могли видеть только полицейских, а не тех, кого они преследовали. Вдруг полицейские пустились бежать с одной стороны набережной на другую и, наконец, остановились, очевидно, потеряв следы. Я сам устал от такого занятия, и так как у меня было много других дел, я вернулся к себе. Мы знали, где незнакомец привязал свою лодку, и поэтому нетрудно будет установить его личность.

Действительно, на следующий день мы узнали всё, что нас могло интересовать. То, что он делал в порту, было совершенно безобидным занятием; он продавал главным образом спиртные напитки и табак, причём самым ходким товаром у него были спиртные напитки. Он жил в гражданском браке с одной женщиной и, очевидно, боялся преследования закона, так что часто менял квартиру. Однажды вечером он в какой-то портовой таверне напился и самым серьезным образом стал говорить, что он немецкий капитан, которому поручено раскладывать зажигательные бомбы на союзных судах, чтобы вызывать на них пожары на море. Эта идиотская история была нам на руку, так как все английские сыщики клялись, что под видом этого человека скрывается капитан Ринтелен. Несмотря на то, что американская полиция уверяла, что Ринтелен часто появляется в свете, одетый во фрак, и что он живет в нью-йоркском яхт-клубе, англичане продолжали утверждать, что Ринтелен ведет двойную жизнь, выступая то под видом элегантно одетого джентльмена, то под видом грязно одетого субъекта, разъезжающего на своей моторной лодке. Им удалось даже убедить американскую тайную полицию, которая, наконец, поверила в эту бессмыслицу. Человек, на котором они остановили свое внимание, разумеется, заметил, что за ним следят; но так как совесть у него была нечиста, он исчез, что еще больше усилило подозрение полицейских.

У нас возникла идея, которая сильно нас позабавила, но которая в то же время прекрасно себя оправдала. Один из моих агентов, менее приметный для полиции, чем другие, который ни в малейшей степени не мог быть заподозрен в

диверсионных актах, завербовал при помощи денег этого странного незнакомца к нам в сотрудники. Нам сразу же пришлось констатировать, что он имел некоторое сходство со мной. Это был опустившийся, всегда пьяный субъект. Наша дальнейшая деятельность не только не поколебала английских сыщиков и даже некоторых американских детективов, но постепенно еще больше убедила их в том, что мы оба — одно и то же лицо.

Мой агент однажды поймал его на улице, предложил ему несколько стаканов вина, посадил на такси и привез в небольшую таверну на берегу, где он предварительно снял комнату. Незнакомец был наполовину уже пьян и позволил снять с себя лохмотья, которые носил, одеть во всё новое, включая пару шикарных ботинок, оказавшихся, правда, слишком большими для него. Оттуда его отвезли в роскошный отель, где сыщики потеряли его след. Это была игра, которую мои люди продолжали разыгрывать с различными вариациями и которая их очень забавляла, в то же время вполне оправдывая себя.

Мы его вернули к его обычному занятию, которое он вскоре запустил, так как получал от нас много денег. Он находился в таком состоянии, что никогда не задавал вопросов и слепо исполнял всё, что от него требовали. Несколько долларов и частые возлияния вполне составляли его счастье. Он не мог предать нас, так как ничего не знал, но зато приносил нам большую пользу. Он начал интересоваться своим туалетом, каждое утро он появлялся на очень оживленном перекрестке недалеко от яхт-клуба. На другом краю города, вблизи нашей конторы, он с таким же успехом приводил в смущение как лифтеров, так и полицейских.

Когда мы таким образом направили полицию на ложный след, я вновь начал расставлять свои сети. Доктору Шеле было дано распоряжение возобновить изготовление зажигательных снарядов, и, несмотря на увеличение риска, нам удавалось раскладывать их попрежнему на английских, французских и русских пароходах. Я снял новую контору, предоставленную в наше распоряжение немцем мексиканского происхождения и авантюристической складки. Мы оборудовали ее так, что помещение было разделено особой перегородкой на две комнаты, связанные телефоном с особой бесшумной сигнализацией. Таким образом я был защищен от непрошенных посетителей и располагал специальной дверью, выходившей в коридор, на случай отступления. Наша фирма носила теперь название «Мексиканская Северо-

западная железнодорожная компания», причём это название привлекало к себе внимание, красуясь на входных дверях нашей конторы.

Первым актом новой фирмы явилась покупка изобретения одного молодого немецкого инженера по имени Фей. Он сообщил нам, что изобрёл механизм, способный сорвать руль у плавающего судна в открытом море. Фей произвел на меня хорошее впечатление. Обсудив это дело с моими капитанами, я дал ему необходимые средства для производства опытов. Спустя неделю Фей вернулся и заявил, что у него всё готово. Вместе с двумя капитанами я послал его в деревню, чтобы приобрести в пустынном месте хорошо скрытый клочок земли. Здесь они построили корабельную корму, к которой прикрепили настоящий руль, снабжённый снарядом, одна оконечность которого представляла собой железную остроконечную иглу. Игла была прикреплена к самому рулю, и с каждым поворотом его поворачивалась также и игла, постепенно врезываясь в снаряд, и когда она протыкала капсуль, происходил взрыв — и весь руль разлетался в щепы.

К солидно построенной модели Фей прикрепил свой снаряд и стал поворачивать руль. Оба капитана держались на почтительном расстоянии. Фей продолжал свою процедуру в течение почти часа. Раздался ужасный треск, и обоих капитанов осыпало кусками дерева. Сам Фей был поднят на воздух и упал на кучу хвороста, получив несколько царапин. С ближайших деревьев были сорваны ветки, а сама модель загорелась. Все трое вернулись оттуда на автомобиле в Нью-Йорк и сообщили мне, что механизм действует безотказно.

Фей получил достаточно денег для изготовления своих снарядов. Скоро можно было сделать первый опыт. Однажды вечером он отправился по порту на моторной лодке, и, несмотря на аварию, ему удалось прикрепить снаряды к рулям двух пароходов. Мы стали ждать результатов, о которых нас своевременно известила газета «Шиппинг ньюс». Все нью-йоркские газеты заволновались. На море произошло два таинственных случая, но никто не знал их причины. Два парохода в результате взрыва в открытом море потеряли рули, причём корма была сильно повреждена. Один из них, покинутый своим экипажем, дрейфовал по Атлантическому океану, другой был взят на буксир и доставлен в ближайший порт.

Этот случай получил широкую огласку, и Фей не мог больше рисковать и ездить по порту на своей лодке. Он был молод, но смел и решителен, и в течение нескольких последующих недель он совершил такие поступки, которые требовали крепчайших нервов. Он клал свои снаряды на пробковый поплавок и под покровом ночи пускался вплавь. Добравшись к намеченному пароходу, он прикреплял аппарат к рулю.

Было сообщено о ряде новых успехов, так что множество боеприпасов, приобретенных союзниками, так и не было доставлено к тем орудиям, для которых они предназначались. Благодаря этому изобретению, которое Фей применял не только в Нью-Йорке, но и в других портах, мы сумели расширить нашу диверсионную деятельность. То, чего не удалось добиться при помощи зажигательных бомб, было довершено снарядами Фея. Но со времени наших первых проб количество транспортов с военными материалами возросло в десять раз; угнаться за всеми было невозможно, и поэтому надо было найти еще какое-то средство.

* * *

У меня возникла мысль, показавшаяся мне сперва фантастичной, — основать свой собственный «профсоюз». Всякие профсоюзы, соответствующим образом зарегистрированные в надлежащих инстанциях, имели право объявлять легальные стачки, и власти не могли вмешиваться. Если, кроме того, мы сумеем выплачивать стачечное пособие, то окажется возможным кое-чего добиться, а средства у нас есть.

Надо было приступить к этому делу с величайшей осторожностью и связаться с рабочими лидерами, и я прибегнул к хитрости.

Я знал уже несколько ирландцев и американских немцев, стоявших во главе небольших профсоюзов. Они принимали меня за американца, и мне удалось привлечь их на свою сторону, не возбудив ни малейшего подозрения. Впрочем, они сами считали, что вывоз взрывчатых материалов в Европу — вещь недопустимая, что рабочие нейтральных стран отнюдь не заинтересованы в изготовлении снарядов, предназначенных для убийства их братьев по классу.

Первой моей заботой было снять громадное помещение и организовать собрание, на котором известные деятели резко выступали бы против экспорта боеприпасов. Члены Конгресса Бьюкенен и Фаулер, бывший посол Соединенных

Штатов в Мадриде Хэннис Тейло, бывший генеральный прокурор Моннетт явились на собрание и выступили с речами, равно как и ряд университетских профессоров, богословов и руководителей рабочей партии. Я незаметно сидел в дальнем углу. Ни один из ораторов ни в малейшей мере не подозревал, что он действует по указке германского офицера, находящегося тут же среди присутствующих. Они знали лишь тех, кто просил их выступить, но совершенно не знали, что нити находятся в руках третьего лица.

На следующий день я встретился с ирландскими и американо-немецкими лидерами рабочей партии, которые приняли меня за богатого американца, готового в гуманитарных целях принести денежные жертвы. Мы сделали большой шаг вперед и основали новый «профсоюз», названный нами «Национальный рабочий совет борьбы за мир». Я, разумеется, не вступил в члены этого союза, но привел с собой на это организационное собрание одного моряка немецкого происхождения и очень надежного человека, который стал докером, чтобы иметь возможность выставить свою кандидатуру. Мне удалось обеспечить ему руководящую должность, и, таким образом, союз принялся за работу.

Мое намерение заключалось в том, чтобы завербовать в наш «союз» большое количество американских докеров. В случае удачи этого плана я имел бы возможность объявить стачку, которая нанесла бы союзникам серьезный удар. Однако мои надежды на громадный приток членов со всех сторон не оправдались. Несмотря на то, что был назначен очень небольшой членский взнос, дело, повидимому, было обречено на неудачу. Я начал отчаиваться в успехе, когда однажды утром Вейзер, который, конечно, работал в этом деле со мной, позвонил мне по телефону из доков и попросил явиться немедленно с деньгами. Приближаясь к конторе профсоюза, я увидел несколько групп грузчиков, находившихся в сильном возбуждении. Вейзер пошел мне навстречу и рассказал о случившемся.

Неразрешенная стачка, спроводированная несколькими моими агентами, вспыхнула среди рабочих, грузивших снаряды на пароход, который должен был отправиться в Россию. Грузчики выдвинули два требования: прибавку ввиду опасности, с которой связана их работа, и уход английских агентов, которые с винтовками в руках охраняли русский транспорт.

Почти все члены нашего карликового «союза» работали на этом пароходе, и так как часть нашей программы заключалась в противодействии погрузке военного снаряже-

ния, грузчики пришли в нашу контору, чтобы объяснить причину забастовки. Они решительно требовали прибавки, но только формально и без всякой надежды на получение ее или на санкционирование их забастовки.

Выслушав их, Вейзер телефонировал мне, тогда как агент, которого мне удалось ввести в правление союза, временно отделался от этих людей и по телефону вызвал всех руководителей союза. Они прибыли почти одновременно со мной. Я не стал задерживаться: передал деньги и тотчас же исчез, чтобы не навлечь на себя подозрения.

Разыгравшиеся после этого события стали предметом многих разговоров. Невероятная весть моментально распространилась среди грузчиков. Руководители союза собрались, но лишь за тем, чтобы заявить, что забастовка представляет собой настоящую бессмыслицу, так как касса пуста и наша горсточка членов-рабочих составляет незначительное меньшинство. Однако мой агент взял слово и заявил, что в численном отношении мы действительно слабы, но что тем не менее надо действовать последовательно, если мы хотим выполнить нашу программу. Мы боремся против перевозки боеприпасов и в праве требовать от наших членов, чтобы они действовали решительнее. Единственный ответ, который он получил,— это сочувственная улыбка со стороны других руководителей, которые спрашивали, откуда можно достать средства.

— Я произвел денежный сбор после собрания и за короткое время собрал двадцать пять тысяч долларов,— заявил агент, выкладывая деньги на стол.

Это изменило ситуацию, и дело приняло другой оборот. Имея двадцать пять тысяч долларов, можно легализовать стачку и выплачивать стачечное пособие.

Мой агент действовал очень умело. Он овладел руководством так, что другие даже не сумели заметить этого, и после дебатов, продолжавшихся целый час, «Национальный рабочий совет борьбы за мир» объявил официальную стачку. Вейзер побежал в ближайший банк, как самый привычный к этому делу человек, чтобы разменять тысячные ассигнации; по возвращении он сказал грузчикам, чтобы они по очереди зашли в контору. Мой агент тоже вышел к ним и заявил, что союз признал справедливость требований своих членов и санкционировал стачку. Пособие за следующую неделю будет, конечно, выдано в тот же день.

Эта неожиданная весть сильно обрадовала рабочих. Они решили, что было бы неплохо вступить в этот союз, и

пошли получать деньги. Проходя мимо парохода, на котором некоторые из их товарищей возобновили уже работу, они не преминули расхвалить мой профсоюз и потом пошли искать работу подальше от доков.

В тот же вечер я имел продолжительную беседу с моим агентом Максом Вейзером и капитаном фон-Клейстом, который взялся провести «атаку».

Клейст и Вейзер развили величайшую активность вокруг Хобокенского мола и распустили слух, что «Национальный рабочий совет борьбы за мир» готов выдавать стачечное пособие всем рабочим, бросившим работу на военных транспортных, хотя бы они числились в союзе только со вчерашнего дня. Вскоре рабочие начали являться массами, чтобы уплатить вступительный взнос и тотчас же уйти. На следующий день они вновь приходили и заявляли, что бросили работу, так как предприниматели отказываются дать им прибавку, которую рабочие требуют ввиду опасности, с которой связана их работа. Они тотчас же получали свое стачечное пособие. Днем, проходя неподалеку оттуда, я видел удивительное зрелище. Громадная толпа осаждала нашу контору в ожидании своей очереди, чтобы уплатить вступительный взнос. Пришедших было не менее тысячи человек. Я встретил чрезвычайно возбужденного и воинственно настроенного Макса Вейзера. Он сказал, что все эти рабочие пришли записаться в союз; мне пришлось пойти в банк, чтобы взять оттуда дополнительные средства. У меня было достаточно денег на выплату пособия в течение некоторого времени и, кроме того, я знал, что благодаря посланной в Германию телеграмме моя касса вновь наполнится.

На следующий день около тысячи пятисот рабочих объявили стачку в нью-йоркском порту, а еще через несколько дней ни один транспорт не мог уже делать погрузку. Победа была близка, но я составил свой план, не учитывая силы сопротивления американского финансового капитала. В то время как мне удалось парализовать погрузку военного снаряжения в нью-йоркском порту, активные члены моего союза разъезжали по всем направлениям. Они открыли филиалы во всех портах, устраивали бесконечные собрания и везде объявляли стачки.

Что касается меня, то я сидел у себя в конторе и получал по двадцать телеграмм сразу, конечно, в зашифрованном виде. По телеграфу я переводил во все центры денежные суммы на рекламу, на наем помещений под собрания. В Соединенных Штатах вспыхнул ряд забастовок,

которые заставили побледнеть руководителей существующих профсоюзов. Мы развернули движение, последствия которого никто не мог предвидеть. Бонифейс тоже включился в это дело и нанял оралу подозрительных субъектов, которые выдавали себя за моряков и орали во всю глотку на наших собраниях.

В некоторых портах наш успех был ошеломляющим. Суда были одно за другим покинуты, бессильные закончить погрузку. На страницах американских газет начали вопить, взывая о мести. Газеты получали из Европы телеграммы, сообщающие, что задержка военных материалов для союзников равносильна настоящей катастрофе.

В то же время руководители отделений моего союза на местах начали бомбардировать президента Вильсона сотнями телеграмм из всех городов и портов страны — конечно, за мой счет — с требованием издать закон против экспорта оружия. Я узнал, что Гомперс со своими друзьями спешно отправился к Вильсону, и президент принял его. Я дал соответствующее указание, и президент был буквально засыпан телеграммами, требовавшими, чтобы он принял также делегацию руководителей моего союза. Наконец, 15 июня он согласился принять такую делегацию. Мы на это возлагали большие надежды, так как у нас было достаточно оснований полагать, что президент уступит под сильным давлением нашей группировки. Однако в самый канун назначенного дня он сообщил телеграфно, что не может принять наших делегатов, так как находится на даче. Почва в Вашингтоне становилась слишком накаленной.

В то время как Вильсон дал этот уклончивый ответ, военная промышленность готовила свое контрнаступление. Я опять почувствовал, что за мной следят; полиция напала на мой след, и мне надо было принять меры предосторожности.

Но что было самое худшее — мы теряли почву; рабочие возобновляли работу. Наш союз продолжал бастовать, но более старые организации мобилизовали своих членов, и мы не могли надеяться на снятие их с работы, так как они получали большие суммы, чтобы сломить стачку. Скоро мы узнали, что военные поставщики наполнили кассы старых профсоюзов миллионными суммами, что Гомперс и его помощники все время проводили в вагоне или на автомобиле, рыская по всей стране и организуя контратаку.

Когда нашим противникам удалось возобновить работу, я обрушил на них новый удар. Мы тоже отправились в путь, на сей раз по совету австро-венгерского посла доктора

Думбы. В тот самый момент, когда Гомперс намеревался уже праздновать победу, рабочие самого крупного военного завода Соединенных Штатов — сталелитейных заводов Вифлеемской компании бросили работу. На этих заводах работали почти исключительно австрийцы. Борьба продолжалась с переменным счастьем. Окончательная победа зависела от крепости нервов и денег.

* * *

Скоро произошёл один неприятный случай: войдя в контору, я застал Бонифейса, который сидел в большом унынии. То, что он мне рассказал, не могло меня обрадовать, так как он сообщил мне неприятные новости.

— Говорите прямо, мистер Бонифейс, — сказал я ему.

Но я широко раскрыл глаза, когда он мне рассказал историю, которой я сперва не хотел поверить. Благодаря своим таинственным, но ценным связям он узнал, что «чрезвычайно секретный» шифр германского посольства похищен. Английские агенты подослали молодую девушку к одному довольно низкооплачиваемому сотруднику германского морского атташе. Завязав с ним интимное знакомство, она сумела убедить его, что глупо жить так стесненно, когда он сразу может разбогатеть. Молодой человек согласился сделать всё, что она попросит у него, и в результате он передал ей чрезвычайно важный и строго секретный шифр. Она передала его англичанам. По словам Бонифейса, с шифра была снята копия, после чего он тщательно был положен на прежнее место, которое, вероятно, охранялось очень плохо.

Эта халатность атташе была скоро подтверждена из другого источника.

Я был потрясён. Это был тот самый шифр, который я привез из Германии для посольства, потому что относительно прежнего существовали подозрения, что он попал в руки неприятеля. Я поблагодарил Бонифейса и отпустил его. Затем я тотчас же отправился в посольство, хотя мне казалось маловероятным, чтобы какой-то секретарь имел доступ к шифру по той простой причине, что инструкция запрещает доверять его низшему сотруднику. Войдя к морскому атташе, я сказал:

— Известно ли вам, что строго секретный шифр похищен? Капитан Бой-Эд вспыхнул.

— Кто это говорит? Это невозможно! Он хранится под замком.

— Всегда?

— У меня, конечно, нет времени, чтобы самому каждый раз зашифровать шифр. Это дело поручено одному из моих секретарей.

— В Берлине ни один человек ниже капитана не смеет прикоснуться к секретному шифру.

— Извините меня, но это мое дело!

Эта беседа подтвердила, что шифр действительно похищен. Я предвидел несчастье, но не мог еще знать, какие роковые последствия это будет иметь для меня лично.

Хотя я знал, что полиция гонится за мной по пятам, я решил не отступать. Я всегда был так осторожен, что полиция не могла иметь непосредственных улик против меня и не могла знать, что я замешан в таком множестве тайных махинаций. Когда на следующий день утром я пришёл в мой банк, служащий, который обычно ведал моим текущим счётом (это был немец, знавший мое имя и часто оказывавший мне услуги), сделал мне знак и передал письмо. Взглянув на адрес, я почувствовал, что бледнею. На конверте были выведены слова: «Господину капитану-лейтенанту фон-Ринтелену». Служащий шепнул мне, что письмо прибыло по почте и что оно произвело в банке огромное впечатление, так как стало известно, что какой-то германский офицер имеет в нем крупный текущий счёт, через который проходят огромные суммы. Не является ли это письмо ловушкой? Я все-таки решил вскрыть его и узнал, что оно от военного атташе германского посольства. Я был возмущен легкомыслием и глупостью атташе, решившегося посылать мне письма таким способом.

Но у меня не было времени предаваться мрачным предчувствиям, так как дело, нити которого находились в моих руках, приближалось к своему кульминационному пункту. Утром 6 июня 1915 года ко мне в зал ресторана «Нью-Йоркского яхт-клуба» подошёл посыльный и передал записку, в которой меня просили позвонить по определённом номеру. Позвонив по указанному номеру, я услышал голос морского атташе, который просил меня встретить его на улице в определённом месте. Когда я туда пришёл, он передал мне телеграмму следующего содержания:

«ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО, МОРСКОМУ АТТАШЕ.

Конфиденциально сообщите капитану Ринтелену, что его вызывают в Германию».

Что это могло бы означать? Разве за несколько недель до этого я не просил главный штаб никогда в телеграммах не

называть моего имени, а в тщательно составленном письме сообщить мне ответ на мои последние предложения? В самом деле, я предлагал подкупить прессу и таким путём воздействовать на американское общественное мнение, которое в силу создавшейся внутренней политической обстановки не должно было казаться поощрять изготовление оружия и амуниции. В конечном счете это был замечательный план, благодаря которому мы могли бы ставить палки в колеса военной продукции американской промышленности.

Я не мог понять, почему эта телеграмма была мне адресована, и лишь знал одно: если я тотчас же повинюсь этому распоряжению, все мои дела останутся в состоянии ужасного хаоса. Я спрашивал себя, не являюсь ли я жертвой известных интриг, сплетённых в морском главном штабе частой посетительницей его — баронессой Шредер. Баронесса имела на Тиргартенштрассе в Берлине политический салон, куда часто собирался берлинский высший свет: Фалькенгайн, старый граф Цеппелин и начальник полиции фон-Ягов, генерал Гофман, доктор Штаус и Эрцбергер. В числе посетителей этого салона был также я, кого баронесса принимала очень охотно, но разве влезешь в чужую душу? Два года спустя она покончила с собой, пустив пулю в лоб, когда было установлено, что она слишком часто заходила в американское посольство.

Или, быть может, меня вызывают для доклада о положении в Соединённых Штатах?

Как бы то ни было, я решил, что повиновение в лучшем смысле этого слова вполне допускает целесообразное толкование отданного мне приказа; поэтому, ничего не говоря, я довёл до конца все текущие дела, успокаивая моих друзей и помощников заверением, что я опять вернусь сюда не позднее чем через четыре недели, ибо я был убежден, что, несмотря на английскую блокаду, я могу свободно разъезжать, когда и как мне заблагорассудится. Я достал свой старый швейцарский паспорт. Вскоре я получил печатные документы, свидетельствовавшие самым неопровержимым образом, что я являюсь швейцарским гражданином, отправляющимся из Соединённых Штатов во Францию для закупки вин.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ И АРЕСТ

ВНОВЬ превратившись в швейцарского гражданина Э. В. Гаше из Солера, я купил шифскарту на пароход «Нордам» Голландско-американской линии. Меня сопровождал агент, которого я пригласил с собой на время моего путешествия. Это был чистокровный американский гражданин, и в обществе он выступал в качестве моего друга.

Я поднялся на борт парохода, полный отчаяния, что мне приходится оставить начатое мной дело неоконченным. Когда в сумерках мы покидали нью-йоркский порт, я ломал себе голову, стараясь постигнуть смысл посланной мне телеграммы с приказом о возвращении в Берлин. Мой спутник вывел меня из подавленного состояния, в которое я впал, заявив, что он проголодался и что время обедать. Это был человек могучего телосложения, не раз уже пересекавший Атлантический океан, доставляя сведения германскому правительству. Он нашёл блестящий способ, который позволял ему обдумывать ответы, когда к нему неожиданно обращались с вопросами. Он выдавал себя за безнадежно глухого человека и всегда носил при себе громадную слуховую трубку, что позволяло ему тщательно обдумывать ответы. Мы спустились в столовую, где я заказал бутылку вина, чтобы рассеять мрачные мысли. Посмотрев вокруг себя, я чуть не упал в обморок. Против меня за столом сидел человек, которого я хорошо знал в Берлине и часто встречался в обществе, — граф Лимбург-Штирум из голландской ветви этого рода. Я, очевидно, побледнел, так как мой спутник шепнул мне:

— Что случилось?

Но Лимбург-Штирум уже подошел ко мне и, поздоровавшись, спросил:

— Вы надеетесь, что вам удастся проехать в безопасности?

Я изобразил на своем лице недоумение и ответил:

— А почему нет?

— Но ведь вы немец!

— Немец? Я?... Что вы, я никогда не был немцем, я швейцарец! Когда вы меня встречали в Берлине, я работал в швейцарском посольстве.

Он смотрел на меня ошарашенный. Все время путешествия он наблюдал за мной. Разумеется, он прочел мое имя — Э. В. Гаше — на двери моей каюты, равно как и на моем месте за столом, но был уверен, что в Берлине он знал меня не под этим именем. Каждый раз при виде его я испытывал странное ощущение: мне казалось, что вот-вот он вспомнит, кто я, поэтому я старался всячески избегать его.

Тем временем «Нордам» продолжал свой путь, и, наконец, с левого борта показались известковые горы английского берега. Я рассматривал их со смешанным чувством. Целый день понадобился, чтобы миновать это место, и время от времени я чувствовал необходимость заходить в бар, чтобы придать себе больше храбрости. Известковые горы все ещё не исчезали. В среду 13 августа, в 7 часов утра, когда я находился в ванной, один из официантов постучал в дверь и сказал:

— Несколько английских офицеров хотят поговорить с вами.

Это была самая мрачная минута в моей жизни. Никто на моем месте, совершивший в Америке все то, что я считал своим долгом, и имеющий фальшивый паспорт, не стал бы торопиться говорить с английскими офицерами вблизи белых гор их страны. Во всяком случае, не раньше завтрака. Но у меня не было выбора. Эти джентльмены хотели меня видеть, и ничто не могло меня избавить от их приветствия. Я вытянул шею и стал прислушиваться. Других пассажиров офицеры не спрашивали, они побеспокоились исключительно ради моей персоны, и я должен сказать, что был тронут. Я тотчас же подумал, что моя тайна раскрыта, а поэтому единственное средство, остающееся в моем распоряжении, — это пуститься на «блэф».

Поднявшись в халате на палубу, я встретил там двух офицеров в сопровождении десяти солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками.

— Вы г. Гаше?

— Да, что вам угодно?

— Мы получили приказ отвезти вас с собой.

— У меня нет никакого намерения высаживаться здесь. Я еду в Роттердам.

— Крайне сожалею, но если вы отказываетесь, то нам приказано взять вас силой.

— Если вы намереваетесь применить силу, то мне остается лишь повиноваться, хотя я швейцарский гражданин. Но прежде чем покинуть пароход, я прошу разрешить мне по-

слать телеграмму швейцарскому посланнику в Лондоне И, кроме того, мне надо одеться и в особенности позавтракать. Надеюсь, вы согласны с этим?

— Сколько времени вам нужно?

— Около двух часов.

— Очень хорошо. Мы вернемся в половине десятого.

В точно назначенное время англичане вернулись на борт и вежливо попросили швейцарского джентльмена пересесть на катер. Меня доставили на борт английского вспомогательного крейсера, где продержали три дня в кабине капитана. Утром, днем и вечером английские офицеры подавали мне бутылку шампанского и старались поддерживать хорошее настроение у швейцарского гражданина, которого они так искренне жалели. Как-то вечером один из офицеров открыл мне свою душу; он пробыл семь лет консулом в Карлсбаде, он знал все немецкие диалекты и был в состоянии определить, можно ли того или иного человека считать подданным «нейтрального» государства. Ему надоело каждый раз вмешиваться, когда в Ламанше находили подозрительного пассажира. Всеми этими историями он был сыт по горло.

— Но, — сказал он, — в Лондоне имеется такой субъект, который никогда не хочет считать себя побежденным, и, когда мы снимаем «нейтрала», приходится идти до конца и всячески изодраться. Представьте себе старого ворчуна, стоящего во главе разведки и страдающего навязчивой идеей, что все «нейтралы» — подозрительные люди.

— Кто он?

— Адмирал Холл.

* * *

Последний день моего плена на борту крейсера принес мне сюрприз. Мне устроили очную ставку с моим глухим американским другом, которого тоже сняли с «Нордама» как подозрительного пассажира. Один офицер задал ему вопрос, указав на меня.

— Обождите одну минуту, — закричал мой друг и медленно начал доставать из футляра свою громадную слуховую трубку. Но электрическая батарея отказалась сразу действовать; он начал поворачивать разные винтики и, наконец, сказал офицеру:

— Извините меня, одну минутку, — после чего он приставил свой аппарат к уху и заорал: — Что вы говорите?

Офицер увидел, что вся эта сцена с очной ставкой прова-
лилась; с недовольным видом он отвернулся, не удостоив
его даже ответом. Мой друг закричал:

— Что говорят все эти люди?— после чего он начал ша-
гать по палубе, размахивая своей слуховой трубкой и рас-
спрашивая стоящих вокруг него офицеров:

— Что вам угодно? Что вы сказали?

С ним дело обстояло благополучно, так как у него был
настоящий паспорт и ему нечего было бояться. Мое положе-
ние было гораздо серьёзнее.

Нас высадили в Ремсгейте. Два раза нас обыскивали, два
раза проверяли наши бумаги. В промежутке между этими
обысками нас отвезли в отель и очень любезно угостили чаем.

В зале я заметил официанта, которого я уже где-то видел
и которого я скоро узнал. Он служил в Берлине в «Бри-
столе», где я часто бывал. За чаем я сообщил об этом при-
ятном открытии моему глухому приятелю.

— Это уже ваш второй по счёту «приятель», которого мы
встречаем, — ворчал он. — Абсолютно нет никакой возмож-
ности поехать куда-нибудь, чтобы не встретить ваших зна-
комых.

Мы вернулись в контору.

— Будьте добры оставить ваши паспорта для проверки.

Войдя в помещение для сдачи паспорта, я тотчас же уви-
дел в одном углу моего официанта из «Бристоля». Я ста-
рался быть хладнокровным. Дежурный чиновник Дэдди
Уорд, член парламента, важная персона, задал мне те же
вопросы, на которые я отвечал уже утром. Вдруг в углу
раздался резкий голос, полный ненависти и бешенства:

— Не говорите глупостей! Вы капитан Ринтелен из Бер-
лина.

Я даже не моргнул глазом, так как уже прежде заметил
этого человека, и самым спокойным тоном отвечал на зада-
ваемые вопросы.

— Субъект, выдумывающий идиотские истории в своем
углу, меня не интересует. Очень жаль, что терпят присут-
ствие таких невоспитанных людей.

Но этот человек опять вскипел:

— Довольно! Вы — немецкий капитан Ринтелен; я вас
давно знаю.

Было бы подозрительно с моей стороны не отозваться и
продолжать игнорировать его; я поэтому повернулся к нему
и спросил удивленным тоном:

— Что вам угодно?

«Глухой» американец присоединился ко мне и, приложив свою слуховую трубку, закричал:

— Что говорит этот человек? Что ему нужно от меня? Или, быть может, он с вами говорит?

Когда он, наконец, приладил свою трубку, я закричал ему в трубку:

— Тут один утверждает, что я... — и, обратившись к официанту, спросил. — Какое имя вы назвали? Будьте добры проинести эту фамилию по буквам.

Началось смешение букв, путаница между немецким «а» и английским «э». Фамилии, какую я произнес на ухо американцу, никогда не существовало; все звуки были искажены; мы продолжали спорить, пока, наконец, американец положил свою трубку в футляр и сказал:

— Хватит, с меня довольно.

На что я ответил:

— Везде встречаются невоспитанные люди, которые любят вмешиваться в дела, их не касающиеся.

Нетерпеливым жестом офицер дал знать официанту, который был бельгийцем, чтобы тот оставил помещение; затем он пошел сообщить по телефону, что, повидимому, произошла ошибка. К моему великому удивлению и величайшей радости, нам разрешили вернуться на борт «Нордама». Наш багаж находился на борту, и я уже мысленно приветствовал свою родину.

Но, спустя некоторое время, к пароходу подошло дозорное судно, и находившийся на нем английский офицер отдал через мегафон приказ: «Вернитесь!».

Вновь оказавшись на суше, я был разлучен с моим спутником и отвезен по железной дороге в Лондон под конвоем морского офицера и одного сыщика и доставлен в Скотленд-ярд. Надвигалась буря.

Мы вошли в здание, напоминающее замок, и, пройдя двор, очутились у громадной лестницы. Через обширные коридоры, дышащие величественным спокойствием, мы прошли к двери, которая сразу открылась перед нами. В зале была группа морских офицеров в шитых золотом мундирах. Вскоре я узнал, что двое из них, носившие адъютантские аксельбанты, были: один — адмирал сэр Реджинальд Холл — начальник морской разведки и другой — его правая рука, лорд Хершел. Слева от камина за массивным столом сидел в очках в роговой оправе, начальник контрразведки сэр Бэзил Томсон.

Это приятное общество, собравшееся ради меня, открывало передо мной радужные перспективы. Все они смотрели на меня недобрым взглядом. Адмирал Холл поднялся:

— Знаете ли вы капитана Ринтелена?

— Я не обязан отвечать.

Сэр Бэзил Томсон:

— Вы, вероятно, не отдаёте себе отчёта, где вы находитесь.

— Где бы я ни находился, меня привели сюда насильно. Мне здесь нечего делать, и я не буду отвечать до тех пор, пока не увижу посланника моей страны. Или, быть может, я обвиняюсь в каком-нибудь преступлении?

Сэр Бэзил Томсон:

— Вы немец и должны объяснить причину вашего нахождения на британской территории.

— Я сошел на английский берег не по собственному желанию; я тут нахожусь против моей воли и против всяких законов справедливости.

Мой ответ вызвал настоящее смятение. Холл и Томсон пришли в негодование, тогда как я, притворяясь возмущённым и оставаясь верным своей роли, начал кричать и протестовать против такого рода действия, требуя, чтобы меня отвели к швейцарскому посланнику. Я упорно настаивал на этом бесспорном праве, пока, наконец, не увидел, что они начали действительно колебаться.

Но морской офицер, бывший консул в Карлсбаде, который сопровождал меня из Ремсгейта, побился об заклад, поставив фунт стерлингов, что мне не разрешат повидать моего посланника.

Заседание было закрыто, и мне сообщили, что завтра утром меня под конвоем отведут в швейцарское посольство. Посланник Гастон Карлен, старый высокий господин величественного вида, с седыми волосами, заговорил со мной по-немецки.

— Скажите, пожалуйста, что это всё значит? Я ничего не мог сделать по прибытии вашей телеграммы, так как находился за городом. Что им, англичанам, нужно от вас? Через канцелярию я узнал, что ваши военные документы и ваш паспорт в полном порядке; но англичане упорно утверждают, что вы — немецкий капитан Ринтелен. Не можете ли вы мне объяснить, откуда у них такое предположение.

Я решил рискнуть и пойти на громадный «блэф».

— Я могу довериться вам, ваше превосходительство, — сказал я. — Капитан Ринтелен действительно был на борту

нашего парохода, но англичане ошиблись, приняв за него другого человека. «Нордам» находится уже в Роттердаме, как я мог узнать из «Таймса», так что немецкий офицер, которого я не хотел выдать англичанам, теперь далеко. Вы можете, следовательно, видеть, что я симпатизирую Германии. Я там провел детство, и вы, вероятно, помните, что мой отец был швейцарским консулом в Лейпциге.

— Да, правда, я помню вашего отца. Вы поступаете очень правильно.

Он поднялся и протянул мне руку.

— Примите мою благодарность за ваше действительно нейтральное поведение.

Тут же при мне он телефонировал в адмиралтейство, и конвой отвел меня к адмиралу Холлу. Все они кипели от злости, что позволили немецкому капитану ускользнуть из их рук, но адмирал, который один среди них сохранял хладнокровие, подошёл ко мне и сказал:

— Стало быть, вы не Ринтелен?

— Я всё объяснил моему посланнику.

Однако меня освободили не сразу. Меня оставили под наблюдением до вечера следующего дня, и лишь после этого мне было разрешено возобновить прерванное путешествие. В качестве наблюдателей ко мне приставлены были один капитан флота и один сыщик; комнату мне сняли в отеле «Сесиль». Я чувствовал, что выиграл битву, и заказал бутылку вина. Мне нечего было больше бояться; оставалось лишь ждать выполнения нескольких формальностей. Я начал высчитывать, сколько мне понадобится времени, чтобы приехать в Берлин.

Два моих компаньона находились в соседней комнате, дверь в которую была широко открыта, чтобы они могли наблюдать за мной и пресечь попытку к бегству. Я расхаживал по комнате и прислушивался к тому, что они говорили. Вдруг один из них сделал замечание, которое меня крайне заинтересовало; я начал внимательно прислушиваться:

—...Специальный запрос в Берн через английское посольство?

— Да, это дело касается не одного лишь консульства. Холл специально просил посольство подтвердить, возможно ли, чтобы Эмиль Гаше находился в настоящее время в Лондоне.

Этого было достаточно, чтобы понять всю серьёзность моего положения и убедиться в том, что я побеждён, и это

в то время как еще за минуту до того я был уверен в обратном. Я в возбуждении продолжал шагать по комнате. Бернское консульство, несомненно, установит, что подлинный Эмиль Гаше живет в Швейцарии и не может в настоящий момент находиться в Лондоне. Когда этот ответ будет сообщен англичанам, я окажусь в ловушке.

Я рассуждал следующим образом: так как, за исключением американца, я являюсь единственным пассажиром, опрошенным и снятым англичанами, им должно быть известно, что я сел на «Нордам» в Нью-Йорке, а если они это знают, то им, вероятно, известно также о моей деятельности в Соединённых Штатах. А это означает, что удар против меня готовился еще в Америке. Когда из Берна прибудет ответ, меня должны будут считать штатским человеком и под конвоем отправить в Америку, где меня ждёт не особенно приятная встреча. Как бы то ни было, но на свободу я рассчитывать не могу никак; поэтому гораздо лучше быть военнопленным, чем оказаться в американской тюрьме. Быстро приняв решение, я постучал в дверь и сказал своим надзирателям:

— Прошу извинения, не могу ли я немедленно сказать несколько слов адмиралу?

— Не думаю. Что вы хотите ему сообщить? Неужели это так важно?

— Да, очень важно; адмиралу будет очень интересно узнать то, что я хочу ему сказать.

— Скажите это мне.

— Это невозможно; я должен передать это ему лично.

Он пошел к телефону. Только что пробило восемь часов вечера, но адмирал был ещё в своём кабинете и изъявил готовность принять меня немедленно. Лил сильный дождь, когда мы шли по двору адмиралтейства. Встретив меня стоя, адмирал спросил:

— Что привело вас сюда так поздно?

Я вытянулся по-военному.

— Я пришел сдатьсь.

— Что вы этим хотите сказать? Мы только что послали о вас телеграфный запрос в Берн!

— В этом нет больше никакой необходимости.

— Что все это значит?

! — Капитан Ринтелен имеет честь сдатьсь в качестве военнопленного.

Адмирал упал в свое кресло; он разглядывал меня, раскачиваясь в кресле, затем поднялся, похлопал меня по плечу, довольный, ворча себе под нос:

— Вот что значит прекрасно сыграть.

Он открыл дверь в соседнюю комнату, позвал лорда Хершеля и сказал:

— Позвольте мне представить вам нашего нового военнопленного — капитана фон-Ринтелена.

Адмирал выбрал столик в углу, где мы были одни и могли спокойно беседовать. Им, конечно, хотелось многое узнать от меня, и, чтобы вызвать меня на разговор, они стали рассказывать такие вещи, которые заставили меня содрогаться от ужаса. Разумеется, важных секретов они мне не сообщили; по некоторым соображениям, они сообщили мне лишь некоторые подробности из всемирной деятельности Интеллидженс-сервис. Но и этого было достаточно для меня, чтобы понять, что фактически мы ничего не предпринимали без того, чтобы английская контрразведка предварительно не была информирована о наших намерениях. Я провел несколько часов в обществе этих двух англичан и узнал многое, о чём прежде и не подозревал.

— Не было никакой необходимости так долго дожидаться коктейля, который я вам недавно предложил, капитан, — сказал лорд Хершель.

— Так долго?

— Мы вас дождемся уже четыре недели. Ваша встреча была подготовлена, но вы почему-то медлили. Почему вы не оставили Нью-Йорк тотчас же по получении телеграфного приказа?

Что это? О чем он говорит? Бывают случаи, когда человек не смеет верить своим собственным ушам?

— Конечно, капитан, — сказал адмирал, — это, быть может, оскорбит ваше чувство германского офицера, но в наши руки вы попали не столько благодаря нашим агентам, сколько благодаря вашему военному или морскому атташе. — Я уже точно не помню, кому именно из них обоим... Всегда ли вы жили в полной гармонии с... как его имя... с капитаном фон-Папеном?

— Что вы хотите этим сказать?

— Нечто такое, что вам неприятно будет услышать. Всякое человеческое легкомыслие должно иметь предел. Он так часто в своих телеграммах, посылаемых в Берлин, упоминал ваше имя на чистом и хорошем немецком языке, что попросту выдал вас с головой нам.

— Я не понимаю, лорд Хершель, о какой телеграмме вы говорите?

Адмирал наклонился ко мне через стол; он снял очки, пристально посмотрел мне в глаза и сказал саркастически:

— Мы имеем в виду телеграмму, которую вы получили 6 июля, т. е. месяц назад. Капитан Бой-Эд встретил вас на углу 5-й авеню и 45-й улицы, где он передал вам депешу, и... извините одну минуточку... я сейчас прочитаю вам ее текст.

Он достал из своего кармана небольшую пачку бумаг, выбрал один из документов и, к моему удивлению, прочел: «Германское посольство, морскому атташе. Конфиденциально сообщите капитану Ринтелену, что его вызывают в Германию».

— Что вы скажете на это? — спросил он. — Разве у нас не было основания говорить, что вы слишком долго задержались?

Спокойствие, которое мне удавалось сохранить до сих пор, начало меня покидать. Как попала к ним в руки эта телеграмма? Она ведь должна была быть зашифрована; но после всего того, что я здесь услышал, она зашифрована не была.

Я откинулся на спинку стула и вспомнил тот день, когда Бонифейс явился ко мне в контору, чтобы сообщить грустным тоном, что «чрезвычайно секретный» шифр похищен у морского атташе английскими агентами.

Адмирал внимательно смотрел на меня.

— Телеграммы, посланные графу Шпее, командующему крейсерской эскадрой... — бормотал лорд Хершель, как бы погруженный в свои думы.

Это совсем для меня ново! Адмирал Шпее встретил английские броненосцы 8 декабря 1914 года; и тем не менее Хершель, очевидно, говорит, что перехвачены были также некоторые телеграммы, адресованные графу Шпее, хотя кража в канцелярии атташе совершена была позднее. Мне хотелось знать, как в действительности обстояло это дело, и я внезапно сказал:

— Но ведь шифр был скопирован значительно позднее декабря 1914 года?

Холл подскочил.

— Когда, вы сказали, был скопирован шифр?

Это показалось мне ловушкой. Он определенно хотел знать, известны ли мне факт и дата снятия копии с шифра и способ, каким это было сделано. Я быстро подумал. В качестве военнопленного в Англии мне рано или поздно удастся связаться с Германией, а поэтому я решил узнать

возможно больше. Я не открою никакой тайны, если скажу адмиралу, что мне известно, как англичане получили шифр.

— О, — сказал я, — вы говорите об этом нью-йоркском деле, когда вами была подослана та молодая особа к секретарю посольства? Но об этом знают даже дети!

Они смотрели на меня, немного сбитые с толку, и Холл медленно произнес:

— Об этом знают даже дети?

Последовало мучительное молчание, и в этот момент у меня блеснула ужасная мысль. Почему, почему замолчали они как раз в эту минуту? Неужели они этим хотели сказать, что в самом посольстве эти большие «дети» ничего не видели?

Это явилось ударом для меня! Я всегда боялся этого, хотя и предупредил письмом Берлин немедленно после моей беседы с Бой-Эдом, сообщив, что шифр известен врагу, и потребовал немедленной его замены. Я знал, что мое послание благополучно прибыло в Берлин, но было очевидно, что оно было оставлено без внимания. Я считал себя вправе сделать отсюда свои собственные выводы; так или иначе, но первый шифр был известен англичанам; мое воображение разыгралось во-всю: быть может, они овладели им еще во время наших первых потерь... когда, например, был потоплен крейсер «Магдебург» у берегов Кронштадта. Это было катастрофой для нас, но как выгодно для них!

Затем я пересек океан с новым шифром, и они, очевидно, узнали о замене его.

А потом также этот новый шифр.

Я налил еще один бокал.

Было бы недооценкой ситуации сказать лишь, что я был в ужасе. Как много зла могли англичане причинить Германии, если они были в состоянии читать телеграммы, посылаемые из Берлина по всему миру. Одна мысль об этом была невыносима. Я цеплялся за единственную надежду, а именно, что мне удастся найти пути и средства предупредить Берлин, что его шифр не является больше секретом. Но меня облил холодный пот, когда я вспомнил, что первое предупреждение мною было послано тотчас же, как я узнал от Бонифейса, что шифр похищен. Если первое предупреждение было оставлено без внимания, то кто может поручиться, что и второе не будет брошено в корзину. Одно не подлежало сомнению: Берлин все еще продолжал пользоваться старым шифром. Я заметил изумление обоих английских офицеров, когда они увидели, что мне известно о похищении

нашего шифра. Они должны были подумать, что я, конечно, не оставил про себя это открытие, а что дал об этом знать в Берлин, но, разумеется, они никак не могли постигнуть, почему шифр не был изменен. Я был в отчаянии от того, что нахожусь в плену и таким образом лишен возможности крикнуть в уши германским властям: «Неужели вы действительно решили совершить самоубийство? Неужели вы слепы и глухи? Разве я не предупредил вас? Ради бога, бросьте в огонь этот шифр!».

Это было ужасно, но я сделал над собой усилие и успокоился. В данный момент зло невозможно было предупредить, и всё должно было быть предоставлено естественному ходу событий. Чтобы несколько отвлечься от этого, я сказал лорду Хершелю:

— Что вы сказали относительно телеграмм, адресованных графу Шпее?

Хершель поднял голову и ответил:

— Спасибо, капитан, что вы мне напомнили. Вы сейчас услышите эту историю.

Он мне рассказал о поражении Шпее. Правда, он при этом несколько прикрасил действительность, но в целом его рассказ был правдивым, и я его здесь воспроизвожу.

Адмирал Шпее курсировал со своей эскадрой где-то на одном из семи океанов, и Лондон никак не мог напасть на его след. В то же время английское адмиралтейство прекрасно понимало, что вся эскадра представляет серьёзную угрозу для союзных транспортов, а поэтому оно с упорной последовательностью начало подготавливать ее разгром. Чтобы вступить в бой, имея все шансы на успех, надо было отрядить два броненосца новейшего типа, так как это было единственным средством заставить замолчать превосходные орудия крейсеров «Шарнхорст» и «Гнейзенау», входивших в эскадру Шпее. Кроме того, было чрезвычайно необходимо знать, где очутится Шпее в какой-нибудь определенный день. С этой целью был разработан целый план. Но прежде всего надо было мобилизовать два больших современных броненосца.

Это необходимо было сделать тайно, ибо, если германское адмиралтейство узнает, что в Атлантический океан направились два мощных броненосца, оно не сможет сомневаться в том, что целью их является эскадра графа Шпее. Этого надо было избежать во что бы то ни стало.

В значительной степени было учтено то обстоятельство, что германское морское министерство не может не знать о на-

хождении на Северном море подавляющей части броненосцев и о том, что два из них направились в Средиземное море, где они стояли на якоре недалеко от Дарданелл, преграждая путь «Гебену». Равным образом была учтена возможность попытки «Гебена» прорваться с целью присоединения к австрийскому флоту в Пола и укрепить его. Но невозможно было открыто отправить эти два броненосца в погоню за Шпее, так как об их исчезновении сообщили бы неприятельские агенты, которые находились повсеместно. Поэтому, чтобы обеспечить успех этому предприятию, надо было пойти на военную хитрость и скрыть уход этих двух военных судов.

У адмирала Холла возникла мысль. Он приказал построить тайно в одной из английских верфей два новых крейсера, что было делом нескольких недель. Они были окрашены в серый цвет и покачивались на якорных стоянках со своими массивными трубами и огромными орудиями, показывавшими из блиндированных башен свои грозные жерла. Но на самом деле это были деревянные суда, и как только была окончена их постройка, прибыли два мощных буксира, которые повели за собой эти два чудовища. На каждом буксире стояли офицеры, внимательно следя за приближением неприятельских судов, готовые каждую минуту пустить дымовую завесу, как только покажется что-либо подозрительное, ибо для успеха плана было совершенно необходимо, чтобы даже существование обоих мнимых броненосцев осталось в секрете. На буксире они были проведены через Бискайский залив, мимо Гибралтара, и из Средиземного моря в Эгейское море, где несколько недель уже стояли на якоре «Непобедимый» и «Непоколебимый» на полном виду у жителей острова, среди которых находились шпионы, чьей основной задачей было следить за присутствием кораблей. Под покровом ночи оба мнимых броненосца были поставлены на места настоящих боевых судов. По внешнему виду они ничем не отличались от своих предшественников; они были окружены большим количеством миноносков и дозорных судов, которые имели задачей не допускать неприятельские подводные лодки и — что еще важнее — держать на почтительном расстоянии любопытных и непосвященных.

Деревянные суда покачивались еще на волнах, не успев бросить якорь, когда «Непобедимый» и «Непоколебимый» вышли в море. Они пересекли Средиземное море незамеченными, так что германская контрразведка не знала, что два опасных врага отправились в погоню за адмиралом Шпее.

Миновав Гибралтар, они решительно взяли курс на юго-запад.

В этом месте рассказа я прервал лорда Хершеля:

— Почему на юго-запад? Они, следовательно, знали, где находится граф Шпее?

— Мы знали, где он будет, — ответил лорд, бросив взгляд на Холла. Адмирал продолжал смотреть перед собой и тихо произнес:

— Я телеграфировал ему и сообщил, где английские броненосцы его встретят, и он точно прибыл на назначенное место.

Я отодвинул стул и расхохотался.

— Извините меня, сэр Реджинальд, но с вашей стороны не очень благородно издеваться над бедным пленником. Ведь вы сами не думаете, чтобы я мог вам поверить!

Но, посмотрев на серьёзное выражение лица адмирала, я понял, что оба они говорят правду. Однако я все еще не мог постигнуть, каким образом они могли телеграфировать графу Шпее. Что он хотел этим сказать? Он начал объяснять, и постепенно я всё понял.

Я подозревал уже, что они владели секретным немецким шифром; это позволило мне понять, что они сделали. Шпее со своей эскадрой был вынужден блуждать где-нибудь, по всей вероятности, у западного побережья Южной Америки. Предположение оказалось верным. Вечером 1 ноября 1914 года получилось ужасное известие об уничтожении эскадры Кредока у берегов Коронеля. Тотчас же после битвы адмирал Шпее взял курс на Вальпарайсо. Действительно, вскоре после этого телеграф сообщил о прибытии его в этот порт. Он сошёл на берег, где его приветствовала немецкая колония. Таким образом, в Вальпарайсо он находился в безопасности.

Холл начал иллюстрировать свой план действий на столе при помощи странных предметов. Вальпарайсо — коробка спичек; там — оба броненосца; здесь — Берлин, другая спичечная коробка; Вальпарайсо и адмирал Шпее, затем броненосцы; здесь — Берлин, а в Берлине находился...

— Ваш агент! — воскликнул я.

— Мой агент, — сказал он спокойно. — Я просил его узнать, как германское адмиралтейство посылает свои телеграммы судам, находящимся в море. Он сообщил мне, что для этого применяется самый простой способ. Когда надо послать такого рода телеграмму, посыльный относит ее из адмиралтейства на центральный телеграф. Они для этого

употребляли особые бланки, причём телеграмма должна была иметь печать экспедиции адмиралтейства и печать цензурного отдела. Я не знаю, как при этом действовал мой агент, да и не думаю, что мне это надо было знать. Все, что я знаю, это то, что у него оказались нужные печати и бланки, и я не сомневаюсь, что он ими воспользовался.

— Как вы помните, эскадра Шпее стояла на якоре у Вальпарайсо. Как только я узнал об этом, я дал моему берлинскому агенту распоряжение действовать. В течение нескольких недель он носил при себе посланную мной из Лондона телеграмму, составленную по шифру Бой-Эда и содержащую на имя графа Шпее строгий приказ немедленно направиться к Фальклендским островам и разрушить радиостанцию порта Стэнли.

— Дальше нет надобности рассказывать, — сказал я в глубоком волнении, — дальнейшую историю я знаю, так как я тогда служил в адмиралтействе в Берлине.

После свидания с германским посланником в Чили адмирал Шпее пригласил своего начальника штаба и командиров своих крейсеров. Все они пытались отговорить его от выполнения изложенного им плана — обогнуть мыс Горн и направиться к Фальклендским островам. Начальник штаба говорил, что этот переход чреват серьёзными опасностями. Эскадра может быть выведена из строя, и на будущее время она потеряет свою боеспособность. Шпее никому не сказал, что им получена секретная и личная телеграмма, адресованная командующему эскадрой; он лишь заявил своим офицерам, что намеревается всё же выполнить свой план. Однако приказ, который он исполнял, был фиктивным.

Развязка была такая, какую хотел Холл. 7 декабря на место, назначенное немецкому адмиралу, явился адмирал Стэрди с «Непобедимым» и «Непоколебимым», и двенадцать часов спустя обе эскадры встретились. Отчаянная борьба германской эскадры против более тяжелых снарядов продолжалась несколько часов до полудня 8 декабря 1914 года.

На донесении об этом несчастье кайзер собственноручно начертил: «Что могло побудить Шпее атаковать Фальклендские острова, — остается тайной».

* * *

Оконченная в этом месте беседа была возобновлена между адмиралом Холлом и мной много лет спустя, после окончания войны, когда я возвратился в Англию. Это было в

1925 году. Мы сидели в том же углу того же клуба, где он самым рыцарским образом встретил своего прежнего врага.

Я должен сделать скачок на несколько лет, так как в моей памяти обе эти беседы связаны между собой. Среди воспоминаний о войне, которыми мы делились, адмирал коснулся идеи бросить Мексику против Соединенных Штатов.

Идея бросить Мексику против Соединенных Штатов принадлежала в 1915 году мне. Снабжение оружием и снаряжением, посылка подводных лодок — все это фигурировало среди условий нашего договора. Этот план был чрезвычайно рискованным, и я послал в Берлин самого надежного курьера с письмом, которое, — я в этом уверен, — никто в пути не прочитал. Я тогда не мог предвидеть, что переговоры с Мексикой будут продолжаться позднее, но в такой форме, что весь ход событий принял другой оборот. Мой замысел был подхвачен другими с тем результатом, что, в то время как Мексика в войну не включалась, Соединенные Штаты подняли оружие против нас. По моему плану Мексика должна была атаковать Соединенные Штаты, если мы, ни с кем не считаясь, объявим решительную подводную войну против всего мира. В этом случае нам надо было считаться с включением Соединенных Штатов в войну, и мы хотели привязать нашего нового неприятеля к его собственной границе. Это могло бы быть осуществлено лишь в том случае, если бы Уэрту удалось привести к власти, ибо в противном случае не было никакой возможности убедить эту страну в необходимости напасть на Соединенные Штаты.

Для начала адмирал Холл показал мне один документ.

— У вас нет теперь никакого основания отрицать, что вы пытались добиться помощи у Мексики. Вашу идею развили потом другие, но уже в сотрудничестве с мексиканским президентом Каррансой.

Я взял лежавшую передо мной на столе бумагу.

— Это телеграмма Циммермана, — ответил я, — я ее, конечно, знаю. Всем интересующимся историей войны известно, что вы перехватили ее, когда Циммерман, тогдашний заместитель министра иностранных дел, отправил ее германскому посланнику в Мексике, фон-Экхардту. Всем известно также, что это дело послужило поводом к включению Соединенных Штатов в войну на стороне союзников.

В этот момент один из служащих клуба позвал зачем-то Холла, и я мог вспомнить всё, что произошло в результате этой знаменитой телеграммы Циммермана.

16 января 1917 года этот сановник послал фон-Экхардту телеграмму следующего содержания:

«1 февраля мы начинаем беспощадную подводную войну. Мы всё же надеемся, что Соединённые Штаты останутся нейтральными. Если это нам не удастся, то мы предложим Мексике союз на следующих условиях: вместе вести войну и вместе заключить мир. Мы окажем ей финансовую помощь и потребуем возвращения Мексике территорий Новой Мексики и Аризоны, потерянных ею в 1848 году. Вы должны заняться разработкой деталей этого соглашения. Вы должны позондировать почву, но самым конфиденциальным образом, и, как только война против Соединённых Штатов станет свершившимся фактом, вы посоветуйте Каррансе, чтобы он по собственной инициативе вступил в переговоры с Японией и предложил ей присоединиться к вам, одновременно предложив также служить посредником между Германией и вами. Обратите внимание Каррансы на то обстоятельство, что неограниченная подводная война образумит Англию и заставит её через несколько месяцев просить мира. Получение подтвердите.

ЦИММЕРМАН»

Так гласила эта знаменитая телеграмма.

Я подумал о тех путях, какими располагало тогда министерство иностранных дел для посланки своих телеграмм в Америку. Таких путей было четыре. Каждая важная телеграмма из Берлина в Америку отправлялась по четырем различным путям. Во-первых, беспроволочный телеграф и депеши, передаваемые непосредственно через океан, составлялись в зашифрованном виде. Во-вторых, каждая телеграмма отправлялась в Стокгольм, где она зашифровывалась по секретному шведскому шифру и пересылалась в виде каблогранмы или радиогранмы германскому послу в Вашингтоне. В-третьих, каждая депеша посылалась по беспроволочному телеграфу в Голландию и одновременно в Испанию, где назначенный для этого атташе пересылал ее дальше в Нью-Йорк, пользуясь при этом тем шифром, каким пользовался Берлин для своих непосредственных депеш. Наконец, министерство иностранных дел придумало ещё четвертый путь, пользование которым оказалось особенно опасным. Однажды оно приняло предложение, сделанное правительством Соединённых Штатов и переданное американским послом в Берлине,— передавать через его посредство телеграммы, исходящие от германского министерства иностранных дел. Они, таким образом, передавались по кабелю в Вашингтон, и ни одна неприятельская держава не имела возможности перехватывать их или задерживать.

Телеграмма Циммермана была отправлена еще по пятому пути: непосредственно с берлинской радиостанции на радио-

станцию, только что построенную на мексиканской территории.

Однако министерство иностранных дел дважды подумало, прежде чем решилось, наконец, использовать все эти пять путей сообщения. Ввиду чрезвычайной важности этой депеши оно хотело испробовать новый совершенно надежный путь, доверив телеграмму подводной лодке «Дейчланд», которая должна была выйти из Бремерсгафена в Северную Америку 15 января 1917 года. Но так как война с Соединенными Штатами уже угрожала, «Дейчланд», считавшаяся до тех пор торговой подводной лодкой, была прикреплена к военному флоту, и ее рейс был отменен.

Я глядел на телеграмму, весь поглощённый своими мыслями, когда адмирал Холл подошёл ко мне.

— Известно ли вам, — сказал он, — сколькими путями пользовался Берлин для передачи депеш в Америку?

Мне это было известно, и было неудивительно, что германский офицер, работающий в морском главном штабе, находится в курсе этого. Зато удивительно было то, что это известно также адмиралу Холлу. Он мне рассказал сперва, что депеша Циммермана была передана по радио непосредственно в Нью-Йорк, и я не был удивлен, когда узнал, что она была перехвачена и расшифрована. Содержание телеграммы стало достоянием гласности, так как она была опубликована в газетах. Затем Холл мне сказал, что путь через Швецию тоже не был надежным, так как англичане имели в своих руках также ключ к секретному шифру шведского министерства иностранных дел. Третий путь через Голландию и Испанию несколько не был лучше, так как Англия имела своих платных агентов в телеграфных конторах этих стран, а морская контрразведка получала через них германские телеграммы, проходившие через их телеграфные конторы и зашифрованные шифром, который был известен адмиралу Холлу. Именно телеграмма, переданная германским морским атташе в Мадриде, привела Мата Хари к расстрелу в Венсене.

Четвертый путь через американское посольство в Берлине тоже был доступен адмиралу, так как я тогда узнал, что посол Джерард даже ещё в то время, когда Соединенные Штаты сохраняли полный нейтралитет, передавал наши депеши по кабелю на центральный лондонский телеграф для дальнейшей передачи в Америку. Англичане имели ключ американского шифра, и так как Джерард сообщал им, ка-

кие телеграммы исходят от германского правительства, они их прочитывали без всякого труда.

Таким образом, ни один из наших пяти путей не оставался секретным, и все они проходили через руки адмирала Холла.

— Когда нами перехвачена была телеграмма Циммермана, — продолжал он, — мы на первых порах ничего не сказали.

Англичане оставили это про себя, но у них тогда в руках оказалось средство, способное вовлечь Соединенные Штаты в войну. Если бы депеша была опубликована в Америке, она подняла бы такую бурю возмущения против Германии, что американское правительство не могло бы игнорировать его. Оно не смогло бы воспротивиться общественному настроению. Если бы оно отказалось действовать, оно тем самым поставило бы себя в тревожное положение, так как Соединенные Штаты всегда боялись опасности, какую представляли для них Мексика и Япония. Эти обе страны являлись для них как бы кошмаром, одна мысль о котором беспокоила мирный сон американских граждан, так что американцы готовы были со всей яростью обрушиться на ту страну, которая посмеет вызвать этот кошмар.

— Что же вы сделали дальше? — спросил я. — Не подлежит сомнению, что вы выжидали благоприятного случая, а затем?..

Холл осторожно взял одну из разложенных перед ним бумаг, улыбнулся и протянул ее мне. Это была депеша мистера Уолтера Х. Пейджа, посла Соединенных Штатов в Лондоне, датированная 24 февраля 1917 года:

«ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ. ВАШИНГТОН. № 5746.

Приблизительно через три часа я отправлю президенту и министру иностранных дел телеграмму величайшей важности.

ПЕЙДЖ»

Холл взял другой листок и показал мне упомянутую телеграмму, отправленную три часа спустя. Телеграмма имела номер 5747.

«СЕКРЕТНО. Лично президенту и государственному секретарю. Бальфур только что передал мне текст шифрованной телеграммы Циммермана, германского министра иностранных дел на имя германского посланника в Мексике; телеграмма была отправлена через Вашингтон и переправлена послом Бренсторфом на центральном телеграфе в Вашингтоне. Вы, может быть, сумеете получить на вашингтонском телеграфе копию текста в том виде, в каком он был передан Бернсторфом.

Первая группа цифр составляет 130, — это номер телеграммы; вторая — 13042, и это ключ шифра. Последняя группа составляет 97556, и это есть подпись Циммермана. Я пошлю вам дипломатической почтой копию шифрованного текста и его изложение на немецком языке. Пока же я посылаю следующий английский перевод текста...»

За этим следовал буквальный перевод телеграммы.

— Ну вот, сэръ Реджинальд, телеграмма прибыла в Америку, что же дальше?

Адмирал продолжал:

— Хотя вашингтонское правительство имело, таким образом, все подробности с цифрами, указывающими ключ для адресата, текста и отправителя, оно не могло и не хотело поверить в ошеломляющее открытие своего лондонского посла. Казалось невероятным, чтобы такая дикая телеграмма была действительно отправлена с Вильгельмштрассе.

— Американцы считали, что телеграмма фальшивая, — сказал, улыбаясь, Холл. — А так как они ее считали фальшивой от начала до конца, они не хотели опубликовать ее в газетах, но для очистки совести они всё же навели справку на вашингтонском телеграфе и после кратких поисков нашли копию депеши, посланной Бернсторфом фон-Экхардту в Мексику. Это обстоятельство их несколько поколебало, но им надо было иметь неопровержимое доказательство, прежде чем бросить свою страну в войну. Как можно поверить, чтобы министр оказался настолько неумным и отправил подобную телеграмму хотя бы в зашифрованном виде? Тем не менее они решили добраться до корня и попросили Пейджа получить от адмирала Холла ключ к шифру и немедленно отослать его в Вашингтон, чтобы они сами могли на месте расшифровать документ. Однако у Холла были свои собственные причины не исполнить эту просьбу. Он передал мне другую телеграмму американского посла в Лондоне, полученную в Вашингтоне 1 марта:

«В ответ на вашу телеграмму 4493.

Я попытался узнать, можем ли мы получить копию ключа, но натолкнулся на большие трудности. Я узнал, что сам по себе ключ не может ещё разрешить этого вопроса, потому что он применяется одновременно с частым перемещением цифровых групп и что имеется лишь одно или два лица, знакомые со способом расшифровки. Эти лица не могут посехать в Соединённые Штаты, так как они не могут отлучиться из Лондона. Если вы пришлёте мне копию шифрованной телеграммы, английские власти обещали немедленно расшифровать её.

ПЕЙДЖ»

Тогда Вашингтон передал текст каблогаммы Бернсторфа, и сотрудник американского посольства принес его адмиралу.

Текст был расшифрован в присутствии самого посла, и цифровые группы были переведены на его глазах, так что был восстановлен текст Циммермана.

Таким образом, не оставалось больше никакого сомнения в подлинности документа. Американцы убедились, что англичане правы, и текст был опубликован. Поднятая этой телеграммой буря окончательно поставила Соединенные Штаты на сторону союзников, вопреки геранофилам и решительным противникам англофильской политики Вильсона, которые в один голос утверждали, что телеграмма является неуклюжей фальшивкой англичан. Однако они получили жестокий удар, когда Циммерман, ввиду возбуждения германского общественного мнения, подтвердил в своем выступлении в рейхстаге подлинность телеграммы. Пейдж не замедлил передать эту речь в Вашингтон.

С тех пор невозможно было уже остановить ход событий. Даже южные штаты, до тех пор относившиеся дружественно к Германии или, по крайней мере, враждебно к Англии, были возмущены этим.

Адмирал Холл откинулся на спинку своего стула.

— Это конец истории, — сказал я.

— Конец! Конец! Тоже сказали! Прочтите вот это. Это — депеша Экхардта в берлинское министерство иностранных дел. Она была отправлена 1 марта и гласила так:

«Мексиканская газета «Универсаль», относящаяся благожелательно к союзникам, только что опубликовала сообщение, полученное вчера в Вашингтоне. Из этого сообщения видно, что президент Вильсон, очевидно, знал о нашем намерении с момента разрыва дипломатических отношений с Германией. Я, разумеется, не опубликовал здесь никакого коммюнике. О какой-либо измене не может быть и речи, равно как никакая неосторожность не может быть инкриминирована моему посольству; очевидно, что-то неладно в Соединенных Штатах или же шифр не является больше секретным. Я здесь всё отрицал».

— Как вам удалось расшифровать эту телеграмму Экхардта? — спросил я. — Он выражает опасение относительно того, что шифр не является больше секретным. Каким же шифром он воспользовался в этом случае для своей телеграммы?

— Ведь я вам сказал, что это не конец истории, — ответил адмирал. — Во всяком случае, это гораздо проще, чем вы полагаете. Несмотря на то, что Экхардт выразил опасение, что шифр не является больше надежным, он спокойно продолжал передавать свои телеграммы по проволочному и беспроволочному телеграфу, пользуясь всё тем же шифром. Посмотрите вот это.

Это была депеша германского посольства, посланная из Мексики в Берлин 2 марта 1917 года.

«Посещение президента Каррансы в Керетаро было бы неуместным. Вот почему я отправился к министру иностранных дел, чтобы позондировать у него почву. Он согласен обдумать предложение. Он имел с японским послом беседу, продолжавшуюся целый час, но содержание её мне неизвестно. Вслед за тем он отправился на доклад к президенту Каррансе.

ЭКХАРДТ»

Адмирал Холл был прав. История на этом еще не кончилась.оборот, какой она приняла, был настолько чудовищным, что мне понадобилось некоторое время, чтобы всё это охватить. Телеграмма, отправленная в Америку германским министерством иностранных дел, оказалась перехваченной, хотя она и была отправлена в зашифрованном виде. Это обстоятельство стало известным всем германским властям как в самой Германии, так и за границей в результате скандала, взбудоражившего весь мир, и хотя посланник в Мексике сам усомнился в том, что шифр остается ещё секретным, этот дипломат тем не менее продолжал пользоваться инструментом, который, по его мнению, позволяет неприятелю читать его секретные послания. Мы имеем здесь одно из многочисленных непонятных явлений великой войны.

Холл прервал мои размышления.

— Мы действительно полагали, что после этого шифр будет изъят, и нас это обеспокоило, так как владение шифром, который применялся для посылки германских телеграмм, имело для нас почти решающее значение. Мы начала уже ломать себе голову над тем, как открыть новый шифр, применение которого мы ожидали с минуты на минуту. Однако ваше правительство избавило нас от лишних забот, сохранив старый шифр, и, разумеется, мы перехватывали депеши, посланные после депеши Циммермана, и немедленно передавали их в Вашингтон. Может себе представить, какую они вызывали там сенсацию. Понимаете ли вы, что вы сами способствовали выступлению Соединенных Штатов против Германии?

— Одну минуту, сэр Реджинальд! Разве были еще другие телеграммы? Ведь в Берлине должны были понять, что этим шифром больше нельзя пользоваться. Ведь невозможно, чтобы никто об этом не подумал.

— Нет, никто не подумал. Вот следующая телеграмма.

Телеграмма была помечена надписью «строго секретно» и имела номер 7; она была отправлена из Мексики в Берлин.

«Начал переговоры: в состоянии ли мы снабдить Мексику оружием? Просьба ответить. Я здесь на месте получил от многих предложение помочь нам в пропаганде.

ЭКХАРДТ»

7 марта Циммерман телеграфировал Экхардту:

«Сожгите компрометирующие инструкции. Мы целиком одобряем ваши действия. Мы публично признали подлинность телеграммы от 16 января. Исходя из этого, обратите внимание общественности на то обстоятельство, что наши указания должны быть выполнены только в случае войны с Соединёнными Штатами.

ЦИММЕРМАН»

Эта каблограмма была отправлена утром. В полдень японский министр иностранных дел барон Шидехара опубликовал коммюнике, одновременно перепечатанное во всей европейской прессе и составленное в следующих выражениях:

«Япония крайне удивилась, узнав о германском предложении. Мы не можем понять, о чём думает Германия, когда она допускает возможность нашего сотрудничества в случае войны с Соединёнными Штатами. Как может она приписывать нам желание сблизиться с Мексикой ради такой цели? Я не нахожу слов для осуждения всей абсурдности подобной мысли. Нет надобности заявлять, что Япония остаётся целиком верна своему пакту с союзными державами».

— Это коммюнике, как я сказал уже, было опубликовано около полудня и в тот же час стало известно в Берлине. Тем не менее в тот же день вечером Берлин, в ответ на телеграмму № 7, отправляет следующую телеграмму за № 17, адресованную на имя его посланника в Мексике и зашифрованную, разумеется, по тому же способу:

«Потрудитесь узнать, какого рода оружие и боеприпасы будут наиболее полезны мексиканскому правительству, и сообщите нам, в какой порт с полной безопасностью может войти германский пароход, идущий под иностранным флагом.

Мексика, со своей стороны, должна по мере возможности попытаться достать оружие в Японии или Южной Америке.

ЦИММЕРМАН»

Холл видел, что я сидел как бы в оцепенении, борясь с чувством горечи. Он сказал:

— Прошу вас, дорогой капитан, не огорчайтесь; не пытайтесь выражать обуревающие вас чувства, видя все это перед собой. Разрешите мне продолжать. Такова была ситуация. Был организован заговор: все действующие лица, все назначенные жертвы были предупреждены. Целую неделю подряд общественное мнение занималось обсуждением исключитель-

но этих событий. Оно было взбудоражено. Все глаза были обращены на мексиканскую границу. Военное командование Соединенных Штатов было предупреждено и внимательно следило за всем происходящим в Мексике. Принимая во внимание расстановку сил, снаряжение, военную подготовку обеих сторон и военные материалы, какими они располагали, мексиканская агрессия не имела никаких шансов на успех, на который можно было бы рассчитывать только в том случае, если бы нападение было совершено неожиданно. Так как этого фактора неожиданности не было, не было также никаких шансов на успех. Была сделана попытка вовлечь в заговор Японию, но она объявила эту мысль абсурдной. Германские власти, очевидно, решили, — на том лишь основании, что мексиканский министр иностранных дел имел с японским дипломатом часовую беседу, содержания которой они, впрочем, не знали, — что эта страна готова сменить своих союзников. Но на самом деле не было ничего, абсолютно ничего, что позволяло бы допустить такое предположение. Несмотря на то, что весь мир знал о том, что замышляется, интрига, ставшая совершенно бессцельной, продолжалась. Так как я перехватывал все германские телеграммы и пересылал их в Соединенные Штаты, единственным практическим результатом этого было то, что общественное мнение и правительство этой страны были спровоцированы сверх всякой меры.

У меня тут есть пачка телеграмм, представляющих в этой трагической истории странную интермедию, своего рода сатирическую драму, разыгранную у нас всех на глазах. Мы слышали, как германское министерство и его посланник в Мексике ведут между собой переговоры. Они пользовались старым шифром, чтобы узнать, как был открыт секрет этого самого шифра. 21 марта Берлин телеграфировал Экхардту:

«Строго секретно: расшифровать лично.»

Сообщите в зашифрованном виде, кто расшифровал каблограммы один — одиннадцать. Где хранились подлинники и расшифрованные копии? Телеграфируйте, хранились ли они в одном месте».

И так как мексиканское посольство ответило не сразу, Берлин 27 марта 1917 года телеграфирует вновь:

«Необходима величайшая осторожность. Все компрометирующие документы должны быть сожжены. Многие симптомы говорят о том, что в Мексике имела место измена.»

Но Экхардт, который был совершенно неповинен в этом деле, не мог быть обрадован, когда узнал, что похищение

шифра было совершено в его посольстве. В тот же день он ответил Циммерману:

«Телеграммы были расшифрованы Магнусом по особому моему распоряжению. Подлинники и копии хранились тайно от персонала посольства. Первая телеграмма получена здесь под шифром 13040. Но Кинкель полагает, что она была передана вашингтонским посольством через Кейп-код, как и все получаемые здесь шифрованные телеграммы. Подлинники были сожжены Магнусом, и пепел развеян. Обе телеграммы хранились в надёжном стальном ящике, специально приспособленном для этой цели и замурованном в стене спальни Магнуса.

Они там остались до момента их уничтожения».

Магнус — секретарь посольства; Кинкель — сотрудник вашингтонского посольства; Кейп-код — американская телеграфная станция. Берлин, очевидно, не был удовлетворен этим ответом и потребовал дальнейшего следствия. 30 марта Экхардтом была отправлена следующая телеграмма:

«Больше предосторожностей, чем у нас, принять невозможно. Текст полученных телеграмм был мне прочитан тихим голосом Магнусом на моей частной квартире ночью. Мой служитель, не понимающий ни слова по-немецки, спал в соседней комнате. Кроме того, текст телеграммы находится только либо в руках Магнуса, либо в стальном ящике, комбинация замка которого известна лишь нам двоим. По словам Кинкеля, в Вашингтоне даже секретные телеграммы были доступны всему персоналу и, кроме того, с телеграмм регулярно снимали по две копии для архива посольства. У нас нет и речи ни о копиях, снимаемых на копировальной бумаге, ни о корзине для бумаги. Просьба немедленно сообщить, что с нас снято всякое подозрение, в чём я не сомневаюсь, в противном случае я и Магнус настаиваем на назначении судебного следствия».

Этот ясный ответ дал желаемое направление, так как Берлин телеграфировал 4 апреля:

«По получении вашей телеграммы мы больше не сомневаемся в том, что измена совершена не в Мексике, и симптомы, указывающие на это, теряют всякое значение. Ни за Магнусом, ни за вами нет никакой вины. Министерство иностранных дел».

— Тем временем, — продолжал адмирал Холл, — телеграммы, имевшие целью организовать заговор с Мексикой, продолжали поступать. 13 апреля Берлин послал следующую телеграмму, в которой торопил Экхардта:

«Сообщите, какие необходимы суммы для обеспечения успеха вашей политики. Мы со своей стороны принимаем меры для перевода крупных сумм. Если возможно, укажите, какие нужны суммы для покупки оружия и т. д.».

Но занавес начинал опускаться. 14 апреля Экхардт сделал новое предостережение, предупредив Циммермана не пользоваться старым шифром. Далее он продолжал:

«Президент заявляет, что он намеревается сохранить нейтралитет при всех обстоятельствах. Если, тем не менее, Мексика будет вовлечена в войну, мы тогда сумеем возобновить обсуждение этого вопроса. Он говорит, что союз был подорван преждевременной рекламой, но что он может стать необходимым в зависимости от оборота, какой примут события. Что касается семимиллиметровых патронов для маузеровских винтовок и предложенных средств, то он даст ответ, когда конгресс разрешит ему принять решение».

На самом деле Карранса никогда не ответил и никогда не просил полномочий у конгресса. После всей этой пыли, поднятой первыми телеграммами, у него никогда больше не возникала мысль поднять оружие против Соединенных Штатов. Тем не менее посланник продолжает телеграфировать из Мексики.

«Капитану Надольному, генеральный штаб.

Перевели ли вы двадцать пять тысяч долларов Паулю Гилькену? Он должен послать мне деньги. В связи с этим Герман просит от главного штаба указаний о поджоге нефтяных промыслов Тампико и берётся теперь это выполнить. Но Верди считает его англичанином или шпионом. Отвечайте немедленно.

ЭКХАРДТ»

— Замечательный план, не правда ли? — заметил адмирал Холл. Затем он собрал свои бумаги, продолжая говорить об этом деле, и для меня становилось всё более и более ясным громадное значение телеграмм этого характера для будущей всемирной истории. Рок Германии начал становиться непредотвратимым в тот день, когда адмирал Холл овладел нашим шифром.

Сидя в этом спокойном углу клуба, я вспомнил прошлое. Я увидел себя в кабинете морского атташе в Нью-Йорке, когда спросил его:

— Известно ли вам, что строго секретный шифр похищен?

И я услышал запальчивый, раздражённый ответ:

— Кто говорит это? Это невозможно! Он хранится под замком.

— Всегда?

— У меня, конечно, нет времени, чтобы самому каждый раз записать шифр. Это дело поручено одному из моих секретарей.

Я увидел мистера Бонифейса, сидящего передо мной и рассказывающего мрачным тоном, что англичане сняли копию с шифра морского атташе.

— Тут есть одна вещь, которую я не могу себе объяснить, сэр Реджинальд, — сказал я. — Из всего того, что вы мне

рассказали, вытекает со всей несомненностью, что все германские власти продолжали составлять свои телеграммы при помощи этого проклятого шифра, но я не могу допустить, чтобы никто не подумал о необходимости заменить его. Во время этой войны я видел много невероятных явлений; но я действительно не могу представить себе, чтобы была возможна подобная вещь.

Холл отвёл глаза.

— Да, это была странная история. Кто станет ещё сегодня интересоваться тем, как это могло произойти? Я должен, тем не менее, признать одну вещь. Я сам немного виноват в этом.

Для того чтобы я мог и впредь читать телеграммы немцев, мне надо было устроить так, чтобы они не думали, что их шифр не является больше надежным. Когда Экхардт сообщил по телеграфу свои подозрения, я был обеспокоен, и у меня возникла мысль убедить германское министерство иностранных дел в том, что какие-то тайные американские агенты овладели телеграммами, которые ими были расшифрованы. Если мне это удастся, то Берлин вынужден будет поверить, что похищение шифра совершено либо в германском посольстве в Вашингтоне, либо в германском посольстве в Мексике. Мне надо было убедить их в том, что тайна раскрыта Соединенными Штатами, а не английской контрразведкой. Вы качаете головой. Я уверяю вас, что у меня самого было достаточно оснований сомневаться в успехе моего плана.

Затем он рассказал мне, какие им были приняты меры, чтобы обмануть нас. Адмирал Холл пригласил редактора газеты «Дейли мейл» и сказал ему:

— Не находите ли вы, что мы, работники контрразведки, полнейшие дураки?

Журналист посмотрел на адмирала, к которому вся английская пресса относилась с величайшим уважением, и расхохотался:

— Вы насмежаетесь надо мной, сэр Реджинальд, — ответил он. — Неужели вы в самом деле хотите, чтобы я поверил, что в контрразведке сидят глупые люди?

— Ни о какой насмешке здесь не может быть и речи. Я говорю это самым серьёзным образом. Мы видели, как американцам удалось овладеть телеграммами тотчас же после того, как они были расшифрованы, тогда как мы месяцами старались расшифровать немецкие депеши, но никогда нам это не удавалось.

Журналист посмотрел на Холла скептически:

— Почему вы мне это говорите? Что я должен сделать с этой информацией?

— Напечатайте её!

— Невозможно.

— Почему же?

— Во-первых, потому, что вся история кажется мне весьма странной, а во-вторых, потому, что я вообще не верю, чтобы работники Интеллидженс-сервис во главе с вами оказались настолько несмышлёными людьми, что надо было бы обратиться на них внимание общества. А кроме того, нет никакого смысла писать что-либо против контрразведки, потому что это никогда не будет напечатано.

— Почему?

— Цензура.

— Цензуру предоставьте мне, — сказал адмирал, — я сам позабочусь об этом.

Журналист посмотрел на своего собеседника, затем поднялся и, смеясь, сказал:

— Мне очень обидно, что вы считаете меня глупее, чем это есть на самом деле. Я более или менее угадываю, что вам нужно, а поэтому вы можете быть уверены, что завтра же статья появится в «Дейли мейл»; я не сделаю из этого сенсации, кричащего заголовка не будет, но, тем не менее, в статье не будет недостатка в неслестных отзывах о вашем учреждении. До свиданья, сэр Реджинальд.

На следующий день в «Дейли мейл» появилась статья, доказывающая, что морской отдел Интеллидженс-сервис не стоит на высоте своей задачи и что, во всяком случае, он во многом уступает американской контрразведке. Американцы, вот ловкие люди! Они овладевают немецкими телеграммами тотчас же после их расшифровки!

Результат получился тот, на какой рассчитывал адмирал. Статья убедила Берлин, что все зло исходит от измены, совершённой в самой Америке, где перехвачены расшифрованные телеграммы. Подозрение пало на Мексику; одним словом, немцы целиком попались в сеть, расставленную Холлом, а он, сидя в своем кабинете адмиралтейства, продолжал читать все телеграммы. Холл перехватывал все беспроволочные германские телеграммы и, таким образом, знал всё, что думает, замышляет и делает Германия.

* * *

После беседы с Холлом два сыщика отвели меня в ближайший участок военной полиции, где мне указали комнату, непосредственно связанную с канцелярией. Я сел на койку. Впоследствии я узнал, что эти койки были предназначены для офицеров, находящихся в отпуску и попадающих на улице в пьяном виде. Через некоторое время я поднялся и начал шагать взад и вперёд; тогда дежурный офицер подошёл ко мне и сказал:

— Почему вы не уходите к себе? Разве у вас нет квартиры?

Подумав об этом вопросе, я понял, что он принял меня за подобранного на улице английского офицера, который с большим удобством мог бы провести ночь у себя, чем в полицейском участке. Мне понадобилось некоторое время, чтобы разобраться в возможных последствиях этого недоразумения, но я решил, что было бы опасно уйти ночью, в такое время, когда улицы Лондона переполнены военными патрулями. Наконец, забрезжило утро. Лежа на своей койке, я услышал, как дежурный офицер передавал своему заместителю:

— Там находится ещё один; но он, вероятно, скоро уйдет.

Я решил не обмануть его ожиданий: взял шляпу, сказал «до свидания» и ушел.

Я знал Лондон и все его автобусные линии, как свои пять пальцев; поэтому я дождался первого автобуса, идущего по направлению к Мэншен-хауз, где я сумел пересесть на другую машину, идущую к Лондонскому мосту. Я знал, что там, на южном берегу Темзы, находится конечная трамвайная остановка и что я смогу там сесть на поезд, идущий вдоль доков. Хорошенько всматриваясь, я заметил шведский пароход, подняться на борт которого было делом нетрудным.

Дальнейшие события будут зависеть от обстоятельств. Быть может, встретится добрая душа, готовая помочь мне добраться до Швеции.

На империале этого автобуса, который вёз меня к свободе, я продолжал ещё обдумывать всё это, как вдруг мне показалось, что черная непроницаемая завеса опустилась между мной и моим планом. Я был совершенно обессилен и в состоянии такого нервного истощения, что чувствовал себя неспособным бороться дальше. Последние недели в Нью-Йорке, переезд, борьба с Холлом и его людьми совершенно исчерпали мои силы.

Я не в состоянии теперь объяснить толком, что толкнуло меня на тот поступок, который я затем совершил. Я не могу

припомнить никаких подробностей, я не могу даже сказать, что мной овладело. С высоты моего автобуса я что-то увидел... Я думаю, что это был какой-то кассир, направлявшийся в это прекрасное утро в свою контору, и что его будничный вид окончательно меня доконал... Я внезапно принял решение, спустился с автобуса и вернулся в полицейский участок. На мой приход никто не обратил внимания. Я сел на стул и начал читать «Дейли мейл». Лишь тогда я понял, какую я упустил возможность. Я попытался подняться, но вновь упал на стул, не имея сил сдвинуться с места. Офицер два или три раза посмотрел на меня с недовольным видом. Мое упорное нежелание уходить ему, очевидно, не понравилось, но вдруг я увидел в караульном помещении второго офицера в сопровождении солдат с винтовками. Офицер направился прямо ко мне и сказал:

— Вы — немецкий капитан Ринтелен?

— Да.

— Мне приказано отвести вас на вокзал.

Проходя мимо дежурного офицера, я видел, как он стоял с разинутым ртом. Очевидно, на свете бывают такие вещи, которые ему и не снились.

* * *

В концентрационный лагерь Доннингтон-холла я прибыл вечером 18 августа 1915 года. К моему великому удивлению все немецкие офицеры лагеря бойкотировали меня. Сперва я не догадывался о причине этого, но потом понял, что они принимали меня за английского шпиона. Гюнтер Плюшов, авиатор из Цзиндао, недавно бежал из лагеря, и у них могло возникнуть подозрение, что я подослан к ним, чтобы узнать, как ему удалось выполнить свой план.

Вскоре в лагерь за мной явился офицер, и не успел я еще понять, о чём идет речь, как за мной закрылась дверь отдельной камеры. Я сел и, размышляя о своей судьбе, должен был лишь констатировать, что нахожусь в лондонском Туэре, где был расстрелян Карл Ганс Лоди, первый шпион, схваченный и казненный англичанами.

Я оставался в Туэре два дня, после чего состоялось заседание военного суда, носившее несколько необычный характер. В течение нескольких часов ожидания меня охраняли солдаты. В порыве жалости один из них решил немного «ободрить» меня и шепнул мне на ухо:

— Не огорчайтесь, сударь, в этой башне были казнены пять наших королев.

Наконец, я предстал перед судом, который обвинил меня в том, что я, немецкий офицер, высадился в Англии во время войны. Адмиралтейство определённо хотело считать меня гражданским пленным, но ему это не удалось. Когда я доказал, что на английскую территорию меня доставили насильно, я был оправдан и возвращён в Доннингтон-холл.

На следующий день около десяти часов утра я спокойно сидел на стуле, как кто-то вдруг сунул мне в лицо утреннюю газету, кажется «Дейли мейл», в которой я прочел заинтересовавшее меня и напечатанное крупными буквами сообщение:

„КАПИТАН РИНТЕЛЕН, РАССТРЕЛЯННЫЙ КАК ШПИОН В ЛОНДОНСКОМ ТΟΥЭРЕ“

Под этим заголовком была помещена моя фотография. Из текста видно было, что накануне я был присуждён к смерти военным трибуналом и тотчас же расстрелян. Я оглянулся и увидел перед собой двух молодых офицеров, которые заявили, что я должен поставить вина. В этот вечер лагерный шинок был полон народу, и оркестр играл похоронный марш Шопена.

Я пил за двоих и благодарил бога в кругу моих товарищей, убедившихся теперь в том, что человек, расстрелянный англичанами, не может в то же время быть английским шпионом.

В общем жизнь в Доннингтон-холле протекала недурно. Комендант лагеря полковник Пико был джентльменом и солдатом, хотя в то же время его добродушие часто подвергалось испытанию теми из нас, кто начинал страдать от кошмара «колючей проволоки» или кто слишком сильно начал проявлять свою национальность. Доннингтон-холл представлял собой два резко отличавшихся один от другого вида: с одной стороны, прекрасный старинный город, окружавший наши деревянные бараки, а с другой — замкнутый круг колючей проволоки, которая держала нас в своих тисках.

* * *

Никто, конечно, в Англии не думал больше пить рейнские или мозельские вина; но один лондонский магазин имел громадный запас этих вин. Потребовалось очень мало времени, чтобы заключить сделку с этим магазином и в

изобилии снабдить ими наш шинок в самом сердце Великобритании. До сих пор ещё я сохранил на память этикетки, на которых готическими буквами красуются знакомые звучные названия.

Хотя охранять пленников врага неприятно всякому, а тем более солдатам и матросам, обречённым на скуку и безделье, ничто не омрачало нашего вынужденного пребывания в этих местах.

Что касается меня, то американские сыщики и доброжелатели предлагали мне свободно вернуться в Соединенные Штаты. Если бы только эти люди были менее неуклюжи и не базировали своих аргументов на возможности того, что я буду расстрелян англичанами! Но один раз я «выжил», и каковы бы ни были надежды на быстрое освобождение, которым меня соблазняли эти люди в нейтральной еще тогда Америке, я подозревал в этом новую ловушку. К моей досаде я впоследствии узнал, какой блестящий план был с этой целью разработан некоторыми моими личными друзьями.

Тотчас же после моего ареста, по возвращении в Соединенные Штаты, я должен был внести залог в министерство юстиции в Вашингтоне, и мне оставалось бы только пробраться на борт торговой подводной лодки «Дейчланд», которая действительно задержалась на два или три лишних дня в Балтиморе, так как посольство считало, что предупреждение публичного разбирательства в широкой мере компенсировало бы потерю залога в двадцать пять тысяч долларов.

Самым сенсационным событием за время моего двадцатимесячного пребывания в Доннингтон-холле был проезд через Великобританию военного атташе капитана фон-Папена, ставшего «персона нон грата».

Его неопытность в дипломатических делах побудила его совершить ещё один промах, ибо в то время как в отношении своей чрезвычайно важной собственной персоны он заручился английским пропуском, он этого не сделал в отношении своего багажа; а английские агенты в Фальмуте проявили настолько мало любезности, что переслали в Уайтхолл все то, что этот недогадливый дипломат счёл необходимым повезти через океан,— письма, шифры, копии, документы, корешки чековых книжек. Это послужило причиной разорения и несчастья для многих десятков немцев и американцев, равно как бешеной ярости многих интернированных немцев, в том числе двухсот офицеров Доннингтон-холла. Староста нашего лагеря, баварский полковник, кото-

рый побывал на фронте, спросил меня, что я думаю о такой чудовищной глупости, о такой преступной халатности.

— Из какого полка вышел этот идиот? — спросил он.

— Из 1-го уланского гвардейского полка, господин полковник.

— Теперь все ясно!

Во всяком случае, этот инцидент оказался более серьезным, чем сон тайного советника Альберта в вагоне нью-йоркской надземной железной дороги, во время которого у него похитили дипломатическую сумку, содержащую «неприятные» документы, на следующий день опубликованные в «Нью-Йорк уорлд»; вскоре после этого выяснилось, какие роковые последствия это имело для меня лично. Всё то, чего не хватало ещё в цепи обвинений в виде улики, собранных американскими властями для предания меня и моих помощников суду, Папен преподнёс самым услужливым образом.

Я пережил тревожные дни, сопровождавшиеся бессонными ночами. Разве не сказал адмирал Холл в Лондоне саркастическим тоном: «Халатность вашего атташе — вот что перedaло вас в наши руки!». Во время объявления войны с Соединенными Штатами у меня опустились руки. Мое положение казалось мне самым мрачным.

У меня появилось предчувствие, что я буду выдан Америке. Мои товарищи подняли меня насмех; ведь относительно военнопленных существуют определенные правила, принятые на специальных конференциях, состоявшихся в Гааге между представителями военных министерств и министерств по иностранным делам Англии и Германии. Разве на этих конференциях, как утверждали некоторые офицеры запаса, юристы по специальности, не был обсуждён вопрос о выдаче военнопленных? Нет, ничего подобного не может иметь места в моём случае, так как это не только будет противоречить справедливости, всем существующим конвенциям, но и вызовет репрессии со стороны германского правительства.

Много времени спустя я случайно узнал, что решение выдать меня американцам было принято по политическим причинам с целью пропаганды среди населения Соединенных Штатов, настроенного ещё против войны, по крайней мере, в начале 1917 года, так как «сила выше права» и «цель оправдывает средства». Мною овладело мрачное предчувствие.

Я стал суверенным. С самого утра в этот день я был в очень подавленном состоянии, и вечером, когда я сидел в

моей комнате с несколькими друзьями, мои предчувствия оправдались; пятница 13 августа была для меня роковым днем. Несмотря на все протесты мои перед комендантом, несмотря на протесты других немецких офицеров, я, к сожалению, вынужден был покинуть лагерь, и это сожаление вызывалось не только сознанием того, что меня ожидает.

При возбуждении всего лагеря, среди прощаний и проводов этой ночи, во время обильных возлияний мне удалось проскользнуть в мою комнату и провести в ней несколько спокойных минут.

«Куда всё это приведет меня? — спрашивал я себя. — Почему я не поступил так, как другие, которые пытались бежать через знаменитый тоннель Доннингтон-холла? У меня было бы больше шансов, чем у них, когда бы я оказался по ту сторону колючей проволоки».

Но теперь уже было поздно думать об этом.

* * *

При свете прожекторов автомобиля я увидел английских солдат с винтовками, явившихся вырвать меня из «дорогого старого Доннингтон-холла», в то время как вокруг меня звучали слова прощания и пожеланий счастливого пути моих товарищей по плену. Я доставлен был в Ноттингем, где сел в поезд. По дороге я был окружен солдатами и полицейскими, которым поручено было защитить меня от толпы, державшейся по отношению ко мне угрожающе. По прибытии в Ливерпуль мне было разрешено позвонить по телефону адмиралу Холлу. Я сказал ему:

— Считаю нужным констатировать, что вы приняли по отношению ко мне не совсем лояльную меру. Прошу вас немедленно отменить ваш приказ. Вы должны знать, что военнопленных запрещается посылать за военную зону; блокада, осуществляемая подводными лодками, является такой военной зоной.

— Вы отправитесь в Америку завтра утром, — ответил он. — Это всё, что я могу сказать вам в данную минуту.

И вот я — на пути в Америку.

Из порта мы вышли вечером. Я стоял на палубе с английским офицером, которому поручено было сопровождать меня и передать в руки американских властей. Как все другие, я после обеда переоделся в штатское и с радостью узнал через моего спутника, что никто на борту парохода, кроме него и капитана, не знает моей национальности. Но не успели мы покинуть порт, как нам пришлось вернуться, так как побли-

зости показались подводные лодки. Прежде чем окончательно выйти в море, нам пришлось, таким образом, несколько раз возвращаться. Нас эскортировал десяток дозорных судов королевского флота, так как на борту нашего парохода находилось до сотни британских офицеров всех чинов, начиная от адмирала и генерала и кончая младшим лейтенантом. Все они были командированы в Соединенные Штаты для обучения американских войск. Впереди нас шёл «Олимпик», на котором ехал Бальфур, глава военной миссии в Соединенных Штатах, с целым штабом официальных лиц.

Однако мы не увидели ни подводных лодок, ни немецких офицеров, и, наконец, показались берега Америки. К моему великому негодованию, меня сняли на берег в мундире с наручниками под перекрёстным огнём фотографов, делавших с меня снимки для вечерних газет.

На следующий день меня отвели к секретарю генерального прокурора Соединенных Штатов, который прямо взял быка за рога.

— Вы, вероятно, помните, что вы находились в Америке в 1915 году? Позвольте мне прочитать вам обвинения, тяготеющие над вами. Помните ли вы, что знали доктора Шеле и капитанов Вольперта, Боде и Штейнберга?

Я молчал.

— Помните ли вы, что вы совершали акты диверсий на транспорте амуниции при помощи зажигательных снарядов, изготовленных с этой целью доктором Шеле? Помните ли вы, что занимались уничтожением рулевых механизмов на пароходах, груженных военным снаряжением, при помощи аппарата, сконструированного неким Феем?

— Я ничего не помню.

— Очень жаль. Однако вы, вероятно, не забыли, что вами был учреждён рабочий профсоюз под названием «Национальный рабочий совет борьбы за мир» с целью организации стачек и подкупа наших портовых рабочих? Вы никогда не слышали ни о фирме «Э. В. Гиббонс», ни о «Мексиканской компании Северо-западных железных дорог»? Вы никогда не поддерживали дружеских отношений с одним из самых уважаемых членов адвокатского сословия Нью-Йорка, известным мистером Бонифейсом, который предоставил в ваше распоряжение свои глубокие знания американских законов?

Я продолжал молчать. Он с минуту смотрел на меня и сказал:

— Подойдите сюда, пожалуйста. Поговорим спокойно. Видите ли, несколько времени назад мы убедились, что какие-то люди, проживающие в Нью-Йорке, раскладывают зажигательные снаряды на пароходах, вызывают стачки и вообще делают всё, чтобы помочь Германии, но в то же время нарушая наши законы. Я должен поздравить вас. До тех пор, пока вы жили в Соединенных Штатах, мы, несмотря на все наши усилия, не могли захватить вас и ваших агентов с поличным. Мы, конечно, подозревали вас уже давно. За вами следили, но не было никакой возможности найти малейшие доказательства. Но ситуация вдруг коренным образом изменилась, когда эта книжка попала в наши руки. Пожалуйста, ознакомьтесь с нею. Будучи интеллигентным человеком, вы, несомненно, поймете, что это чековая книжка. Ознакомьтесь внимательно с талонами. Для меня было чрезвычайно поучительно узнать имена лиц, кому владелец этой книжки выдавал денежные суммы. Я думаю, что внимательное ознакомление с нею освежит вашу память. Если вы не разберете почерк, позвольте мне дать вам следующие пояснения:

Эта чековая книжка принадлежит капитану фон-Папену, бывшему тогда германским военным атташе в Вашингтоне. Он, очевидно, имел манию сохранять все эти книжки, и, кроме того, его осенила блестящая мысль повезти их с собой в Германию, когда он был отозван по просьбе правительства Соединенных Штатов как переставший уже быть «персона грата». Вы, быть может, подумаете, что англичане совершили недружеский акт, когда они извлекли эти книжки из дипломатического багажа? Но переверните страницу.

Я раскрыл книжку. Она содержала талоны чеков, выданных капитаном. Но внезапно меня охватило волнение, когда я прочёл следующую запись: «Доктору Шеле десять тысяч долларов». Я вспомнил эту цифру и знал, за что был выдан этот чек. Дело это не имело большого значения, и я лично не был в нем замешан.

Я, конечно, разделял мнение прокурора: англичане поступили не по-дружески, конфискуя эту книжку, но в моем сознании преобладало непоколебимое убеждение, что капитан фон-Папен, по своей халатности не уничтожив ее, совершил такую неслыханную идиотскую ошибку, что никогда в своей жизни не сумеет ее загладить.

— Я вижу, — продолжал прокурор, — что вы остановились на каком-то талоне. Я думаю, что вы знаете очень

многих лиц, получивших эти чеки. Вы остановились на чеке в десять тысяч долларов, выданном капитаном Папеном доктору Шеле. Могу вам по этому поводу сообщить, что этого доктора Шеле мы арестовали; он был настолько благоразумен, что ответил на наши вопросы. Иными словами, он во всём признался. Он рассказал нам обо всей вашей деятельности в Америке, так что у вас, действительно, нет никакой надобности что-либо прибавить. Нам известно достаточно много, чтобы составить мнение относительно вас. Вас может заинтересовать еще кое-что. Признание Шеле позволило нам арестовать всех ваших друзей. Один сказал одно, другой — другое, но, уверяю вас, нам всё достаточно известно. Итак, намереваетесь ли вы отвечать или вы предпочитаете хранить молчание?

Я предпочел молчать, и меня отправили в тюрьму. Ночь я провел в думках о том, что случилось бы, если бы вдруг мне было предоставлено огромное удовольствие очутиться в моей камере один-на-один с капитаном Папеном.

Мои друзья пригласили одного из самых знаменитых адвокатов Соединенных Штатов — мистера Джо Гордона Бэтта в качестве моего защитника. Во время нашей первой беседы он, осматривая меня взглядом с ног до головы, сказал:

— Прежде чем я решусь взять на себя вашу защиту, ответьте мне на один вопрос: намерены ли вы сознаться во всём или же вы решили на всё отвечать лаконическим «нет»?

Я ответил ему, что решил ни на что не отвечать. Он согласился взяться за мое дело.

В течение многих недель мой процесс служил предметом внимания американских газет как больших, так и малых. Процесс начался 5 мая 1917 года. Во время следствия я категорически настаивал на моей невиновности, не признав ни одного из предъявленных мне обвинений.

Процесс, в котором я играл главную роль, касался исключительно меня одного. Но американская полиция в это время не сидела сложа руки. В разное время процесса было арестовано до 30 человек. Мне было предъявлено обвинение в нарушении федеральных законов по следующим пунктам: организация покушений на пароходы в открытом море; перевозка и хранение взрывчатых материалов на территории Соединенных Штатов без получения в каждом отдельном случае соответствующего разрешения; нарушение закона о стачках; организация обществ и профсоюзов нелегальных или фиктивных и др.

Процесс продолжался несколько недель. Я держал себя так, как обещал мистеру Бэттлу, и ничего не говорил. Я предоставил ему говорить за меня, и ему удалось не один сомнительный пункт истолковать в мою пользу.

Я был присужден к четырем годам каторжных работ.

В течение моего пребывания в тюрьме я работал в паровой прачечной и на текстильной фабрике, затем в карьере и у камнедробилки — настоящий ад, где люди работали в густой едкой пыли, проникающей во все поры.

И, наконец, передо мной открылись ворота Атланты. Я стоял на свободе, окружённый журналистами, от которых мне всё же удалось ускользнуть. Я приехал в Нью-Йорк, оттуда сел на пароход и отправился в Германию.

Это было в начале 1921 года.

Редактор *Л. И. Соловейчик*

Техн. редактор *М. И. Натанов.*

Корректор *А. А. Корабельникова*

Г111359.

Подписано к печати 11.12.43 г.

Объем 6½ п. л.

Уч.-авт. л. 6.10.

Изд. № 82.

Зак. 1040.

1-я типография Управления Военвздата НКО
имени *С. К. Тимошенко*

25/11/11
exp bel
Es

~~5~~

Цена 1 р. 75 коп.